

- Neverov O. 1981. Die Sammlung Etruskischer Glyptik in der Ermitage // Studi Etruschi. Vol. XLIX. Ser.III.
- Neverov O.J. 1995. Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion // Archeologia. Warszawa. T.XLVI.
- Nilsson M.P. 1974; 1976. Geschichte der griechischen Religion. Bd.1-2. München.
- Nowak H. 1960. Zur Enwicklungsgeschichte des Begriffes Daimon. Bonn.
- Panofka T. 1852. Gemmen mit inschriefften in den Königlichten museen zu Berlin, Haag, Kopenhagen, London, Paris, Peterburg und Wien. Berlin.
- Reinach S. 1912. Répertoire de reliefs Grecs et Romains. Vol.II. Paris.
- Schlerath B. 1954. Der Hund bei den Indogermanen // Paideuma. T.6.
- Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des Klassischen Altertums. 1889. Leipzig.
- Vickers M. 1979. Scythian Treasures in Oxford. Oxford.
- Walters H.B. 1926. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London.

SUMMARY

Clause is devoted to the characteristic of glyptic of Olbia Pontica in early antique time. The glyptic include metal and stone seal-rings, stone and glass gems. Impressions of seal-rings and gems on ceramics are known. Intaglios dominate. Cameos appear in the late classical time. There are pieces executed in «east-greek» and «greek-persian» styles. The significant part of glyptic products was imported. A part of metal rings, stone and glass gems could be made by local and visiting engravers, which worked on mints, in workshops on the northern coast of Black sea. The Olbian glyptic does not differ practically from one of Bosphorus, cities on the Western and East Black Sea Coast.

Л.В. Носова

ИМПОРТ ИЗДЕЛИЙ ИЛИ «ИМПОРТ» ТРАДИЦИИ

(в связи с новыми находками «иллирийских булавок»
в Северо-Западном Причерноморье)

Пути формирования и этнический состав населения греческих апойкий и поселений их хоры — лишь один из многочисленных вопросов, которые ставит перед исследователями тема взаимоотношений греков и варваров Северного Причерноморья в эпоху архаики. Среди различных точек зрения на эту проблему¹, наиболее последовательной представляется позиция авторов, которые, «признавая примат греческого воздействия на демографическую и, конечно же, экономическую ситуацию в районах, охваченных колонизационным процессом, одновременно полагают все же и значительное по своим размерам участие туземцев в формировании культурного облика и этнического состава сельского населения Нижнего Побужья, Поднестровья и Северной Добруджи» (Марченко 2005: 74).

Надо отметить, что тезис о гетерогенности обитателей греческих городов и их хоры в архаический — раннеклассический период подразумевает не только формирование населения из двух компонентов — эллинов и варваров. Это положение включает и этническую неоднородность как варварского местного компонента (оседлые племена лесостепи, скифско-кочевники, выходцы из фракийского мира), так и переселявшихся в Северное Причерноморье колонистов. Среди последних, кроме греков (в основном, из Малой Азии), вероятно, были и выходцы из других этнических групп (Зубарь, Сон 2007: 45; Соловьев 2007). Все эти факторы неизбежно должны были «наложить определенный отпечаток не только на этнический облик населения Нижнего

Побужья (и Поднестровья — *Авт.*), но и на его материальную культуру» (Зубарь, Сон 2007: 45).

Стремление разобраться в «варварской» составляющей стимулировало интерес специалистов (и античников, и скифологов) к проблеме неоднократных культурных импульсов в Северное Причерноморье из Карпато-Дунайского региона. Степень и формы воздействия таких импульсов особенно живо стали обсуждаться в последние десятилетия, когда, не преуменьшая роли «восточного» — скифского — фактора, исследователи попытались привлечь внимание к влияниям «запада» (Мелюкова 1979: 162, 181; Марченко 1974; Марченко 1988: 83-85, 110-112, 126; Марченко, Соловьев 1988; Романчук 1999: 268-271; Смирнова 2001; Бруяко 2005: 192-195, 208 и др.). Конечно, никто из археологов, говорящих о значимости юго-западных элементов в формировании культурной ситуации на северных берегах Понта Евксинского, не подразумевает буквально масштабную «иллирийскую» или «фракийскую» экспансию. Однако мнение, что находки в нашем регионе типичных, например для Балкан, артефактов могут свидетельствовать не только о моде на определенные изделия и о широкой торговле ими, но и о притоке самих носителей соответствующих традиций кажется достаточно убедительным.

Настоящая статья — попытка на примере одного типа артефактов выявить и проследить возможные пути поступления и распространения в регионе вещей, субстратные территории которых расположены далеко за пределами Северного Причерноморья. Речь пойдет о двойных бу-

¹ Подробнее см.: Марченко 2005: 74-84; Буйских 2007.

лавках (нем. *Doppelnadeln*; англ. *two-shank pins*) «иллирийской формы» (Петренко 1978: 19). Это определение рассматриваемого типа изделий или как их называет Р. Васич — булавок с М-образной головкой², наиболее полно отражает суть проблемы: даже изготовление и использование «шпилек» на протяжении нескольких столетий (!) жителями внутренних районов Анатолии не особенно поколебало тезис об иллирийском происхождении *Doppelnadeln* (Jacobsthal 1956: 139).

Такие украшения не являются уникальными для Северного Причерноморья — с XIX в. они фиксировались в Среднем Поднепровье (Петренко 1978: 19, 20, 66, табл. 14, 1-13). В середине прошлого столетия булавки аналогичной формы были хорошо известны по комплексам VI – V вв. до н.э. на территории современной Македонии, Боснии, Герцеговины и соседствующих с ними областей. Поэтому при составлении Сводов археологических источников В.Г. Петренко предположила, что на Правобережье Среднего Днепра шпильки попали с Балканского полуострова, возможно, из региона обитания иллирийских племен, где в рассматриваемый период двойные шпильки с М-образной головкой наиболее представлены. Проникновение булавок «иллирийской формы» на Правобережье, по мнению исследовательницы, было возможным в силу продолжавших сохраняться старых связей с каким-то металлургическим центром Южной Европы (Петренко 1978: 19). В ближайших к античным памятникам районах Скифии находки *Doppelnadeln* тогда еще не были зарегистрированы. Поэтому В.Г. Петренко выдвинула логичную на тот момент гипотезу: с Балканского полуострова на Правобережье Среднего Днепра шпильки попали, вероятнее всего, через фракийский мир, а не через Грецию и ее причерноморские колонии (Петренко

² Или: тип Требениште по Ф. Майеру (Berciu 1957: 357); тип 23 по В.Г. Петренко (1978: 19); тип IVa по Р. Васичу (Vasić 1982: 241-250). Далее для описания двойных булавок различных типов используется классификация, разработанная Р. Васичем (1982).

1967: 30). Время бытования в регионе двойных булавок определялось исследовательницей V в. до н.э. (Петренко 1978: 19).

Поводом для возвращения к теме «иллирийских шпилек» послужили новые находки, позволяющие внести некоторые дополнения в представление об этой своеобразной группе изделий.

* * *

В 2006 г. южнее памятника IV – III вв. до н.э. Маяки VI (Охотников 1983: 110) Днестровской экспедицией ОАМ (начальник В.Г. Петренко) исследованы два погребальных комплекса античного времени. В одном из них обнаружены бронзовые двойные булавки с М-образной головкой.

Яма этого захоронения, частично разрушенная современным перекопом, была вытянута по направлению запад — восток. Сохранился восточный конец, округленный и оформленный откосами, и прямая южная стенка ямы, прослеженная на высоту 0,3 м. Длина ямы была не менее 2 м, ширина — около 1,1 м, дно горизонтальное. С восточной стороны в дне имелось конусообразное углубление диаметром 0,44 м, глубиной 0,32 м. Заполнявший это углубление неоднородный по цвету грунт отличался повышенной плотностью и наличием карбонатных стяжений. Вначале заполнение было равномерно серое; ближе к дну шла прослойка около 2 см желтого суглинка; затем — светло-серое отложение. Это послойно наполненное углубление — своеобразный ботрос — располагалось в изголовье погребенной.

Скелет, принадлежавший женщине, лежал в вытянутой позе, на спине, черепом на восток; конечности выпрямлены (рис.1). Правая рука была вытянута вдоль туловища, а левая — слегка отведена в сторону, обе лежали ладонями вниз, к земле. S-образный изгиб позвоночника в сочетании с положением черепа на основании, теменем вверх, свидетельствует об исходно приподнятом положении головы и верхней части туловища покойной. В полости, ограниченной тазовыми костью

ми, сохранились останки утробного (?) ребенка. На грудной клетке обнаружены личные украшения погребенной: мелкие стеклянные бусины (не менее восьми) и пара бронзовых двойных булавок — правая и левая — направленных иглами вверх, к плечам (рис.1, 5). Возле левых нижних ребер найдена конкреция в форме шляпки гриба или чашечки цветка («каменный цветок»). По левую сторону от тела был помещен сопроводительный инвентарь: керамические сосуды и верхняя плита каменной зернотерки (рис.1, 2,3,4).

Сосуды находились на уровне голени погребенной: чернолаковая чашечка на ножке; лежащий на боку кувшинчик серой глины и большая часть разбитого ионийского лекифа. Еще три фрагмента лекифа обнаружены в чернолаковой чашечке, а один — у правой стопы скелета. Зернотерка лежала рабочей поверхностью вниз, немного в стороне от скелета, чуть ниже уровня правой кисти (рис.1, 1). За зернотеркой, в разрушенной части погребения, найден фрагмент стенки большого сероглиняного сосуда. Других обломков, которые бы принадлежали этому сосуду, не выявлено.

Погребальный инвентарь

1. Ионийский лекиф (рис.2, 1). Высота 15 см. Диаметр края горловины 3,7 см. Диаметр корпуса 13,9 см. Диаметр дна 7,5 см. Толщина стенок 0,35 см. Дно утолщено до 0,7 см.

Внешняя поверхность лекифа светло-оранжевого цвета, в изломе глина серая с сиреневатым оттенком. Тесто плотное, мелкозернистое, насыщено мелкими светлыми блестками. Сосуд обладает не вполне типичными морфологическими характеристиками. Он имеет почти шарообразный, с покатыми плечами корпус. Невысокое узкое горло вверху резко расширяется, его округлый край слегка утолщен. Небольшая ручка обоими концами крепится на плече, как на лекифе из погребения 41 ольвийского некрополя (Скуднева 1988: 115-116, кат.174.10). Однако, в отличие от найденных в Ольвии

и Истрии ионийских лекифов (к ним находка из Маяк близка по форме корпуса), плоское дно описываемого экземпляра не имеет ни плитчатой, ни кольцеобразной подставки. Край горла, переход от шейки к плечам и тулово разграничено тремя оранжево-коричневыми поясками лака. Четырьмя поперечными полосами такого же лака украшена ручка, круглым пятном — плечико. Сосуд (simple wave pottery) датируется концом VI – началом V вв. до н.э.

2. Чернолаковая аттическая чашечка на низкой ножке с подставкой (рис.2, 2). Высота 5,7 см. Максимальный диаметр по венчику — 10,4 см. Максимальный диаметр полости чаши — 8,6 см. Диаметр подставки 6,2 см. Внутренняя поверхность чаши покрыта черным лаком, у самого края оставлена узкая полоска в цвете глины. Нависающий грибовидный венец сверху оставлен в цвете глины и украшен шестью тонкими поясками коричневого лака, снизу — неравномерное лаковое покрытие. Непосредственно под венчиком на тулове, а также в верхней части ножки расположены рельефные пояски красновато-коричневого цвета; над и под ними — полосы в цвете глины. Остальная часть чаши до края подставки покрыта жидким черным лаком. Имеющее форму усеченного конуса углубление в ножке покрыто черным лаком. В цвете глины оставлены лишь вершина «конуса», а также гладкий вертикальный край и плоское опорное кольцо подставки.

Чернолаковые чашечки на ножке хорошо представлены в материалах археологического некрополя Ольвии (Скуднева 1988: 18). По материалам афинской агоры чернолаковые сосуды этой формы бытуют в 525-460 гг. до н.э. Для экземпляра из могильника Маяки наиболее приемлемая датировка — конец VI – начало V вв. до н.э.

3. Миниатюрный одноручный сероглиняный кувшинчик (рис.2, 3). Высота без ручки — 7 см; высота с ручкой — 7,6 см. Диаметр дна — 3,5 см. Сосуд

изготовлен из плотной глины, имеющей видимые невооруженным взглядом примеси — блестки слюды, кварцевый (?) песок, мелкие белые, очевидно, известковые добавки и «дутики» от них. На внешней поверхности сохранились участки с темно-серым покрытием и лощением. Кувшин имеет овоидное тулово (максимальный диаметр 5,3 см), переходящее в низкое горло раструбом. Дно плоское. Соотношение диаметра дна и высоты (1:2) придает сосуду приземистый вид. Массивная для кувшина небольшого размера вертикальная ручка слегка возвышается над устьем; один конец ее прикреплен к краю венчика, второй — чуть ниже плечика. Корпус сосуда несколько асимметричен и бугрист, дно тоже бугристое, хотя кувшинчик, несомненно, изготовлен с применением гончарного (ручного?) круга: следы вращения хорошо видны на внутренней поверхности изделия.

4. Фрагмент сероглиняного сосуда закрытого типа, вероятнее всего, кувшина. Найден лишь обломок раздутого шарообразного корпуса. Глина кувшина по плотности и примесям похожа на ту, из которой изготовлен миниатюрный кувшин (см. 3).

5. Бронзовые двойные булавки, имеющие форму шпильки (рис.5, 1). Верхняя часть волнообразно прогнута, придавая головке сходство с буквой М. Левая булавка сохранилась полностью (сломана одна игла). От булавки, лежавшей на правой стороне грудной клетки, сохранились только части игл с заостренными концами, головка отсутствует. Булавки изготовлены из круглой в сечении проволоки диаметром 2,5 мм. Длина целого экземпляра булавки — 120 мм.

6. Бисер зафиксирован в виде распавшихся на мельчайшие осколки изделий из стекла дымчато-серого (6), черного (1) и молочно-белого (1) цвета. Одна бисеринка, — светло-зеленый шарик диаметром около 2,5 мм, с тончайшим отверстием для нанизывания, — расколота пополам.

7. Зернотерка представлена верхней

ее плитой прямоугольной формы, трапециевидной как в продольном, так и в поперечном сечении за счет скоса рабочей поверхности (рис.2, 4). Длина 34 см, ширина 11 см, толщина 4,0-4,8 см. Магматическая порода, ноздреватая, темно-серая с красноватым оттенком, несомненно, не местного происхождения.

Датировка погребения — конец VI — начало V вв. до н.э.

Расположение этого комплекса относительно второго, почти полностью разрушенного, вероятно, мужского (набор наконечников стрел конца VI — первой половины V вв. до н.э.) погребения свидетельствует, если не об их полном совпадении во времени, то, несомненно, о временной близости и принадлежности к одному социуму. Похоже, что открытые комплексы — часть небольшого некрополя, относившегося к какой-то поселенческой структуре.

В ходе разведок 60-х гг. прошлого века в Маяках, в 2 км северо-западнее моста через Днестр (центр села), были обнаружены следы поселения IV — III вв. до н.э. — пункт Маяки-IV (Дзис-Райко 1963: 45). Спустя десятилетие в этом же пункте были найдены материалы конца VI — V вв. до н.э. (Охотников 1983: 110). Хотя этот памятник находится слишком далеко от места обнаружения погребений, он представляет интерес как свидетельство повторного заселения «насиженных мест» позднеархаического времени в период реколонизации полисом большой хоры (IV — III вв. до н.э.). Такие примеры не единичны.³ Располагавшийся на западной окраине села, на небольшом мысу, «непосредственно севернее обсерватории ОГУ» пункт Маяки VI, где зафиксированы материалы IV — III вв. до н.э. (Охотников 1983: 110), по всей вероятности, в позднеархаическое — раннеклассическое время был также обитаем.⁴ Так что вновь откры-

³ Аналогичное явление наблюдается, например, на хоре Ольвии.

⁴ Это подтверждают встречающиеся на территории обсерватории обломки амфор конца VI — начала V в. до н.э.

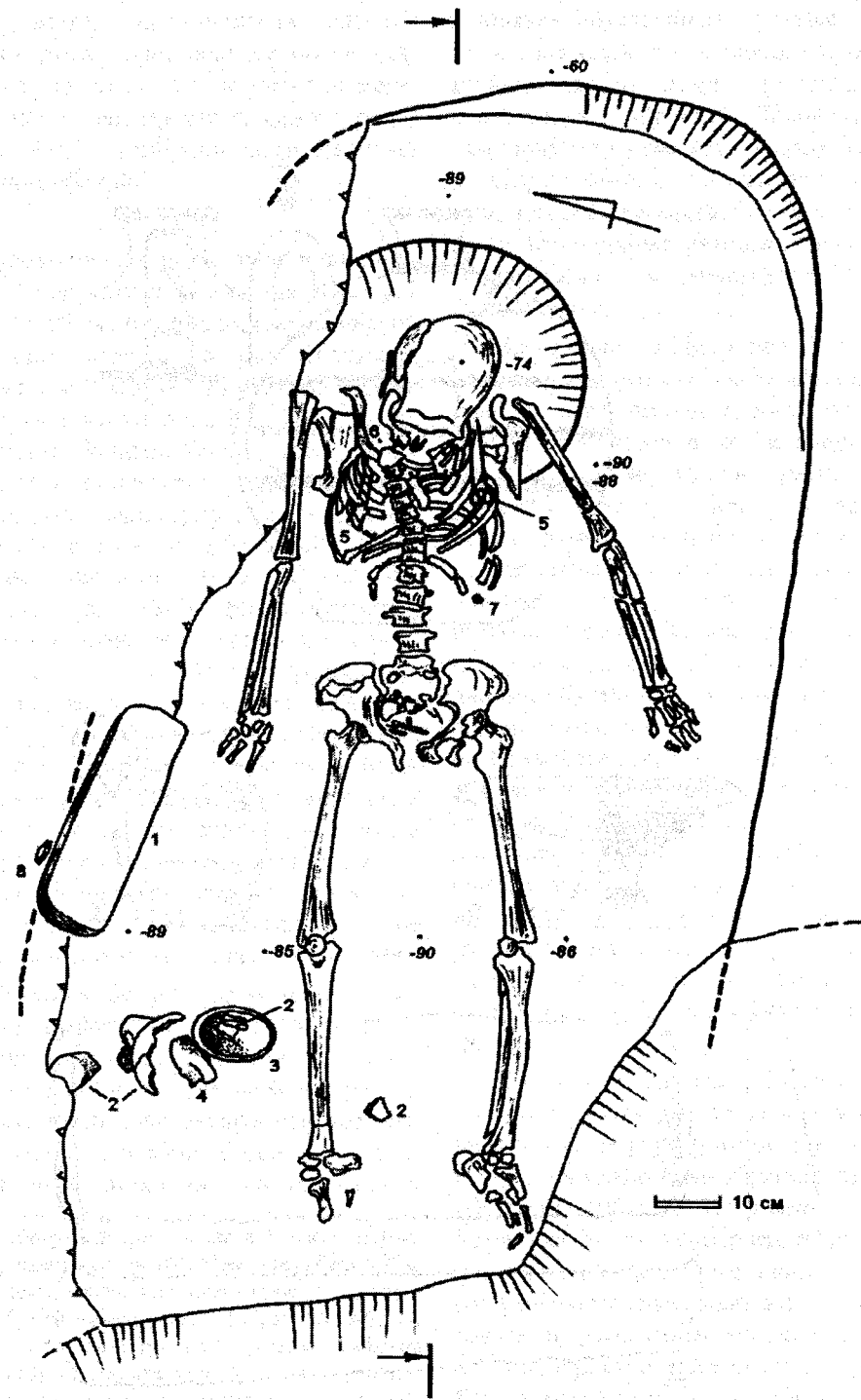

Рис.1. План погребения у с. Маяки:

- 1 — зернотерка; 2 — лекиф (часть сосуда и отдельные небольшие фрагменты); 3 — чаша на ножке; 4 — сероглиняный кувшинчик; 5 — двойные булавки; 6 — бисер; 7 — конкреция; 8 — фрагмент сероглиняного сосуда.

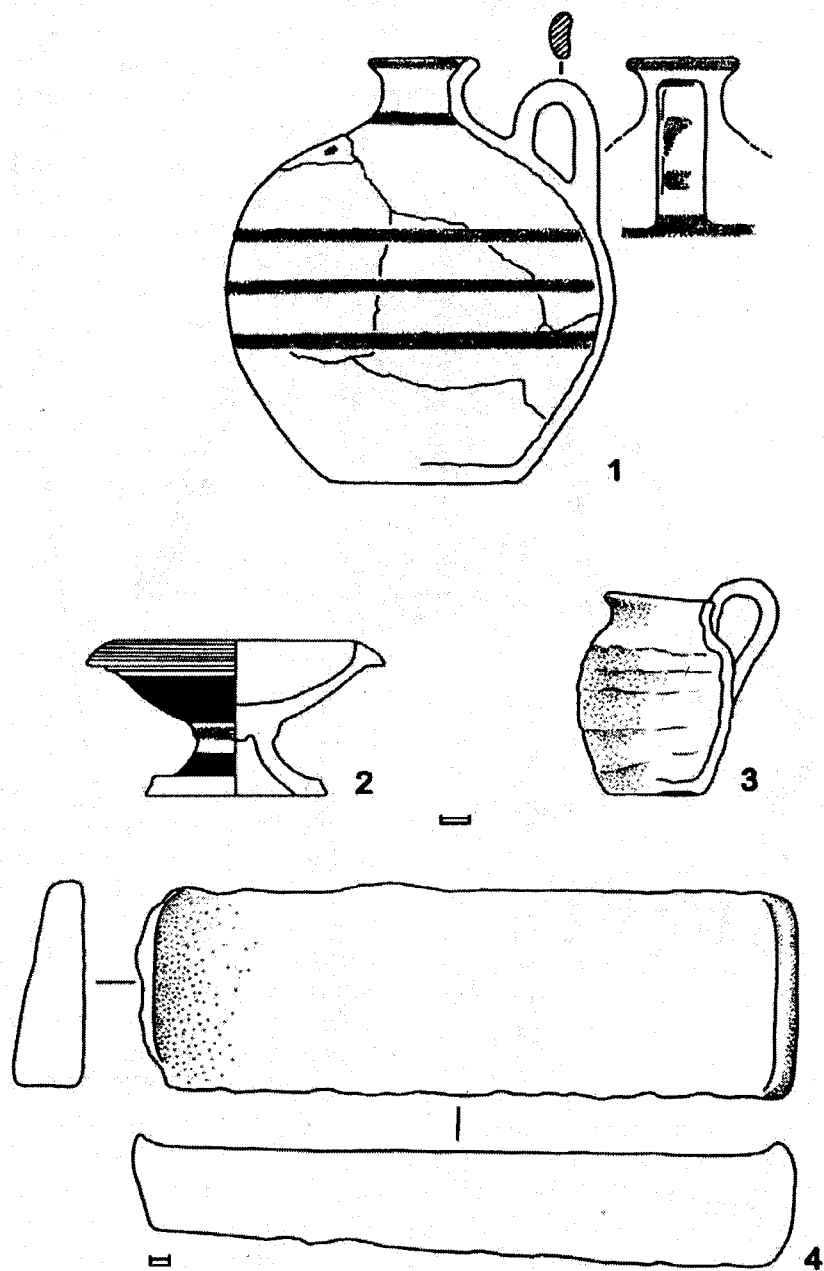

Рис.2. Инвентарь погребения у с. Маяки:

- 1 — ионийский лекиф; 2 — аттическая чернолаковая чаша на ножке;
3 — сероглиняный кувшинчик; 4 — зернотерка.

тые погребальные комплексы являются, скорее всего, захоронениями жителей именно этого, более раннего поселения. Если не инвентарь, то, по крайней мере, восточная ориентировка говорит в пользу греческой атрибуции исследованных нами погребений.⁵

* * *

Каковы могли быть пути проникновения *Doppelnadeln* в низовья Днестра? Говорить об их поступлении с фракийской территории через лесостепь, например, из Среднего Попрутья или Поднепровья, веских оснований пока нет. В наиболее изученной Западно-Подольской группе отмечается присутствие вещей и, возможно, даже культурных традиций, генетически связанных с Западом и Юго-западом (Мелюкова 1979: 73, 82, 85; Смирнова 2001: 33-44). Но характерные для Балкан двойные булавки в имеющейся по лесостепному Поднепровью выборке не представлены (Смирнова 2001а: 423-424). Кроме того, в правобережной лесостепи шпильки с М-образной головкой датируются временем не ранее начала V века до н.э., то есть их появление в этом регионе относится к периоду, когда Западно-Подольская группа, возможно, уже прекратила (или прекращала) свое существование (Смирнова 2004: 422).

Маякские булавки на момент их обнаружения были, во-первых, чуть ли не единственными, найденными в степной зоне; во-вторых — если не более ранними, чем достоверно датированные находки из лесостепного Правобережья, то приблизительно синхронны им (курган 4 у

⁵ Обнаруженные там же в Маяках, несомненно, скифские, «воинские», погребения V в. до н.э. имеют западную ориентировку. Отмеченные В.С. Ольховским (1991: 167, 169) локальные особенности днестровской группы скифских погребальных памятников IV — III вв. до н.э. (распространенность грунтовых захоронений, большое количество привозной греческой керамики, преобладание восточной ориентировки скелетов), по-видимому, более позднее явление, обусловленное близостью и тесными контактами с греческими колониями (те же особенности характерны и для приольвийской группы).

с. Макеевка). Получалось, что открытый в Маяках «булавочный» комплекс, вроде бы, является недостающим промежуточным звеном между правобережной лесостепью и Фракией. Такой вариант категорически отвергать нельзя. Однако некоторые данные указывают на отсутствие *прямой* взаимозависимости между соответствующими находками в Нижнем Поднепровье и на памятниках Среднего Поднепровья.

Вероятные субстратные регионы Европы⁶, в которых сосредоточена основная масса шпилек и из которых металлические изделия могли поступать в Северное Причерноморье, расположены слишком далеко, а ареал распространения двойных булавок в лесостепном Поднепровье слишком узок для предположения о существовании устойчивых торговых связей. За исключением одной находки на Западном Бельском городище, двойные булавки, причем в относительно большом количестве, обнаружены только на Правобережье, но и там практически все они сосредоточены в трех смежных районах Черкасской области. Такое компактное расположение находок создает впечатление, что булавки или изготавливались непосредственно в ареале их распространения, или поступали сюда из какого-то одного центра, находившегося здесь же, в Северном Причерноморье (рис.3).

Связанные с металлообработкой комплексы открыты на поселении у с. Грищенцы — одном из пунктов, где зафиксированы шпильки с М-образной головкой (Петренко 1967: 10; Петренко 1978: 19). Установлено, что на поселении Грищенцы изготавливались посоховидные булавки (встречены готовые, поломанные, недоделанные и бракованные экземпляры), откуда они, вероятно, поступали в округу — большинство находок изделий этого типа в лесостепи приходится на междуречье Роси и Днестра. Ядро ареала посоховидных булавок совпадает с ареалом двойных

⁶ «Illyria — in the widest sense, including Macedonia and Hallstatt» (Jacobssthal 1956: 139).

шпилек (почти все обнаружены на памятниках поросской группы). Напрашивается вывод о местном изготовлении и украшений *in question*, тем более что в Грищенцах найдены мотки проволоки и бронзовые зубильца, возможно, использовавшиеся для ее разрубания (Петренко 1967: 10-11). Даже если шпильки и изготавливали здесь, традиция, несомненно, была привнесена. Не имевшая и не приобретающая местных корней она вскоре сошла на нет.

О привнесении самих *Doppelnadeln* или/и оригинальной формы изделий в лесостепную зону свидетельствует более, вроде бы, ранняя⁷ дата экземпляров из степи (Мажки) и ещё одной аналогичной находки, которая, собственно, и подсказала вероятного поставщика в правобережную лесостепь.

В степной зоне, в отличие от лесостепи, такой тип украшений, как булавки, редко присутствует в скифских погребениях. Кроме того, происходящие из скифских степных комплексов изделия датируются временем не ранее IV в. до н.э. (Петренко 1975: 53). Довольно часто и в значительно более ранних слоях булавки встречаются в античных поселениях (Ольговский 1980: 194; Островерхов 1981: 30-31). Ещё в 1980 г. С.Я. Ольговский среди медных украшений из Борисфена упомянул два обломанных изделия, которые, по мнению исследователя, могли быть фрагментами шпилек с М-образной головкой (Ольговский 1980: 194, рис.3, 11,12). В 2004 г. в северо-западной части острова Березань, на участке «О», в нивелировочном слое над ямами 65 и 67 (вторая – третья четверти VI в. до н.э.) был обнаружен «фрагмент бронзового предмета» (Чистов 2006: 64-65, илл.32, 15), также похожий на часть двойной булавки. Правомерность этих предположений подтвердили раскопки на том же участке «О» в 2006 г.: «бронзовая заколка» (несомненно, двойная шпилька рассматри-

⁷ По греческим импортам из грунтового могильника у с. Грищенцы можно предположить, что поселение основано не в V, а, по крайней мере, в конце VI в. до н.э.

ваемого типа) лежала в хозяйственной яме, относящейся к строительному комплексу, сгоревшему в пожаре не позднее последней четверти VI в. до н.э. (Чистов 2007: 133). По керамическому материалу из заполнения ямы можно предположить даже более раннюю датировку булавки — третья четверть VI в. до н.э. (Чистов 2007: 130). Среди зафиксированных в Северном Причерноморье березанские *Doppelnadeln* пока самые древние.

Обнаружение наиболее ранних экземпляров в древнейшем античном центре Северо-Западного Причерноморья и на хоре греческой колонии (Никоний) в Приднестровье, как кажется, конкретизирует высказанное В.Г. Петренко предположение о торговом пути проникновения рассматриваемых изделий в лесостепную зону. Новые находки делают это предположение более реалистичным, ведь по сравнению с племенами лесостепи торговые возможности и устремления греческих купцов даже в архаический период выглядят намного менее гипотетичными (Марченко 2005: 58-62). Несмотря на немногочисленность, находки последних лет все же дают некоторые основания для допущения, что на Днестр и на Правобережье Днепра вещи «иллирийского типа» попали независимо друг от друга. В архаический и классический период для Приднестровья античным центром, из которого товары поступали в округу и, вероятно, к скифам, был Никоний; для Поднепровья такими поставщиками были Березань и Ольвия⁸.

* * *

Возникает вопрос — откуда эти вещи ввозились в эллинские колонии Северо-Западного Понта?

По картографии находок намечаются два вероятных региона-экспортера, которые условно можно определить как: 1) юго-восточный, или малоазийский;

⁸ На лесостепных памятниках Правобережья, на которых встречены *Doppelnadeln*, присутствует также импортная греческая керамика, поставлявшаяся, очевидно, из Борисфена или Ольвии (Бондарь 1955).

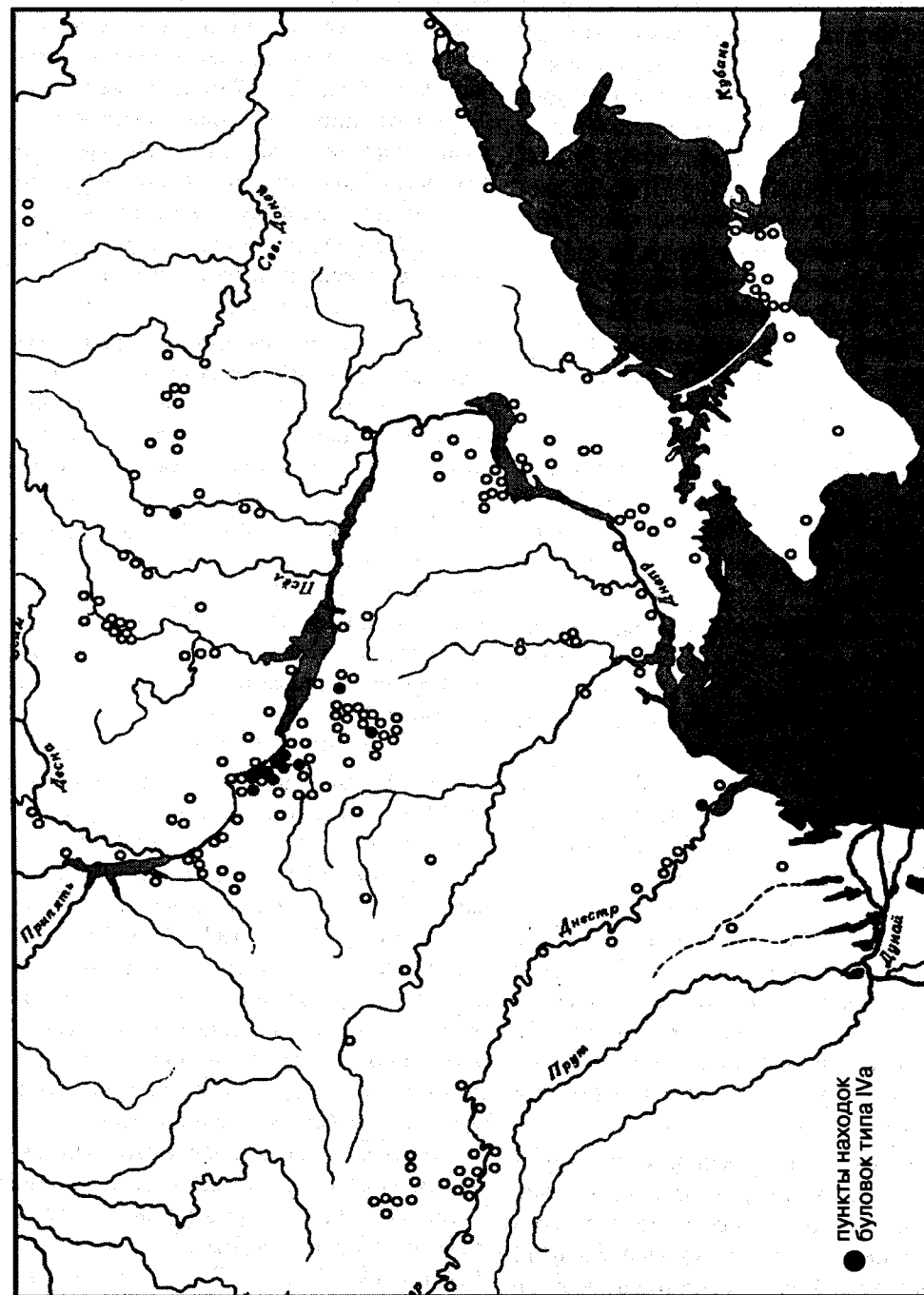

Рис.3. Карта памятников VII – III вв. до н.э., содержащих украшения (по: Петренко 1978: рис.1 с дополнениями автора).

2) юго-западный, или балканский (рис.4).

1) Одни из самых ранних двойных булавок типа IVa фиксируются, вроде бы, на юго-востоке — во Фригии. По некоторым данным шпильки с М-образной головкой бытовали там чуть ли не с первой половины VII в. до н.э. до эллинистического периода включительно (Jacobsthal 1956: 139; Vasić 1982: 251; Genz 2006: 123-124, Abb.25, 8,9; 127, Abb.28, 1). Правда, исследователи оговариваются, что датировка фригийских памятников (соответственно и найденных в них вещей) по сей день остается спорной (Genz 2006: 131-133). Гипотеза, что из Малой Азии, из Анатолии, изделия распространились на запад, на Балканы, вызывает определенный скепсис не только из-за сомнительной датировки ранних вещей Фригии⁹, но и из-за отсутствия находок двойных булавок в ближайшем к Малой Азии районе Балканского полуострова — юго-восточной Фракии.

На Балканах древнейшие двойные булавки (типы I и II) появляются в Боснии и Македонии в течение VII в. до н.э. К концу столетия, вероятно, появляется тип III (Vasić 1982: 256). Новые разновидности возникают около середины VI в. до н.э. (типы IV, V, VI). С этого времени и примерно до середины V вв. до н.э. наблюдается пик распространения двойных булавок, максимум находок которых приходится, прежде всего, на Боснию, Герцеговину и Македонию (Vasić 1982: 257). Самые функциональные и эстетичные разновидности (типы III и IV) не выходили из употребления на протяжении примерно трех столетий и дожили до эпохи эллинизма (Vasić 1982: 256).

В отличие от Балкан (где, как полагают исследователи, от простых типов берут начало типы более сложных конфигураций, то есть налицо определенный эволюционный ряд), в Анатолии, как и в

⁹ Так, Р. Васьич высказывает предположение об обусловленности раннего появления М-видных булавок в Македонии торговыми отношениями и обменными процессами между Балканами и Анатолией (Vasić 1982: 251).

Северо-Западном Причерноморье, пока известна только одна, рассматриваемая здесь, разновидность шпилек. Причем их ареал также ограничен: до 1990-х гг. он сводился фактически к двум памятникам (Богазкёй и Алишар) (Jacobsthal 1956: 138-139; Vasić 1982: 255, 256-257; Genz 2006: 124). Ситуация с анатолийскими находками напоминает картину, наблюдаемую в Северо-Западном Причерноморье, что еще больше склоняет к мнению об инокультурном происхождении *Doppelnadeln* и их привнесении в оба региона — и в наш, и в малоазийский.

Но теоретически импорт бронзовых изделий из Анатолии возможен. В архаическом керамическом комплексе Березани выделены сосуды, по форме, цвету, орнаментации и технике обработки поверхности, по мнению С.Л. Соловьева, похожие на столовую посуду, характерную для периодов *Middle and Late Phrygian* (Соловьев 2007: 12). В первой половине VI в. до н.э. керамические импорты в Северное Причерноморье поступали из городов Северной Ионии и, отчасти, Эолии и Троады — районов, тесно связанных с Фригией (Соловьев 2008: 228).

2) На юго-западе изделия, похожие на М-образные шпильки, найдены в восточной Италии и датированы VIII в. до н.э. (Vasić 1982: 251).¹⁰ По форме им близки двойные булавки типа I из Пескьеро, также VIII в. (Vasić 1982: 225, 252). Но для Италии эти находки единичны и нетипичны. Они относятся ко времени, для которого известны редкие индивидуальные двойные булавки различных конфигураций (период становления «базовой формы»). Р. Васьич полагает, что хронологически и географически итальянские экземпляры стоят особняком, вне связи с общей линией развития и организованным изготовлением булавок собственно М-типа (Vasić 1982: 252). При любых вариантах интерпретации материала из

¹⁰ Датировка двух находок — «aus dem Pice-num, aus Fermo Grab 16, und Novilara-Molaroni, Grab 87» — VIII – VII в. до н.э. сомнительна (Vasić 1982: 251).

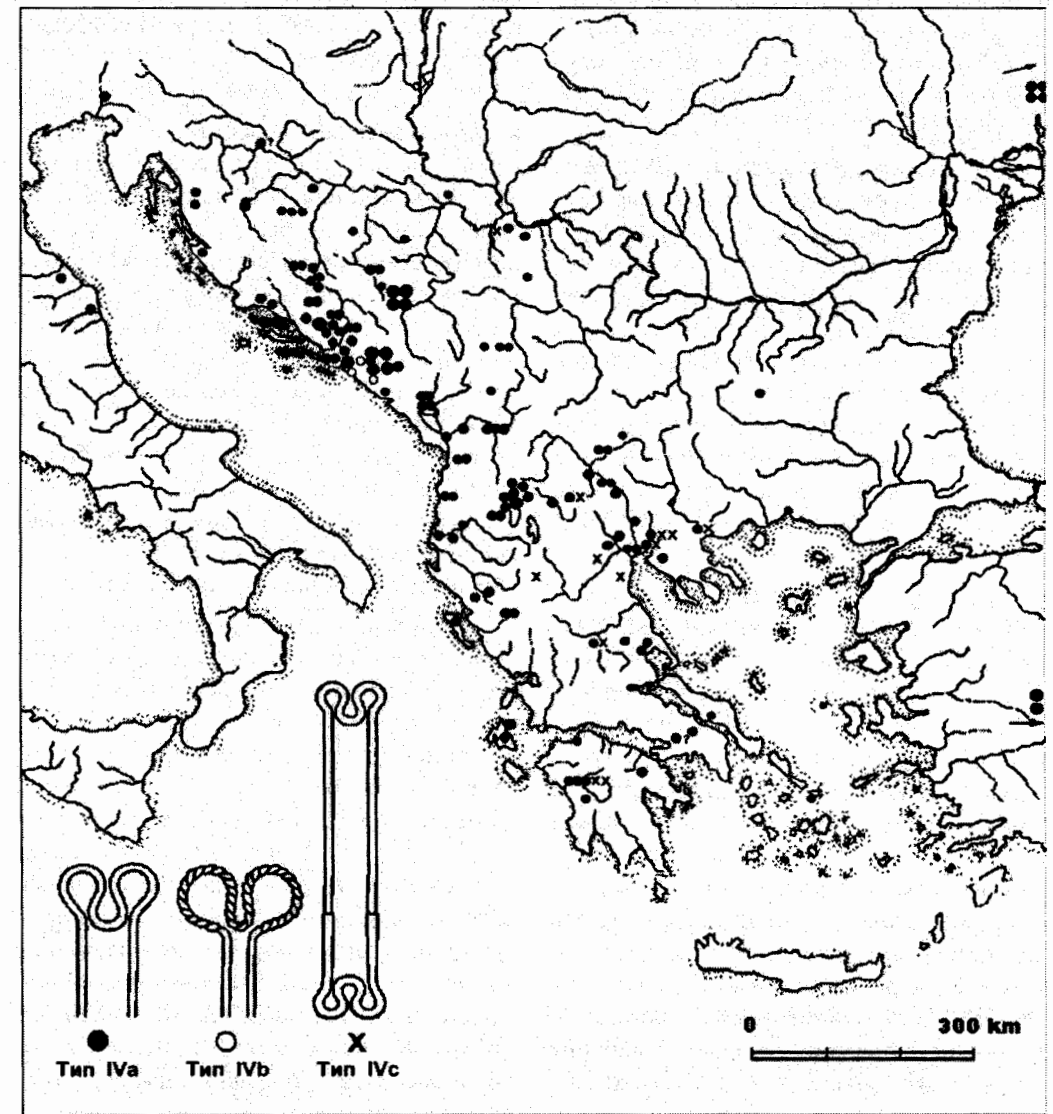

Рис.4. Карта распространения двойных булавок типа IV на Балканском полуострове (по: Vasić 1982: Abb.12).

Италии нужно учитывать, что «the east coast of Italy was an Illyrian outpost, and trans-Adriatic currents, not only in this case, reached the hinterland» (Jacobstal 1956: 139). По картографии находок, «ядро» ареала, несомненно, находится в Иллирии и Македонии, причем аналогичным образом дело обстоит со всеми типами двойных булавок, имевшими хождение преимущественно на Балканском полуострове (Vasić 1982: 255, 256-257).

По данным, имевшимся у Р. Васича на момент написания статьи, самые ранние (первой половины VI в. до н.э.) булавки типа IVa фиксируются на Балканах в Македонии. По мнению исследователя, из Македонии, в том же VI в. до н.э., «шпильки» распространяются на запад и на север, в ареалы выделенных археологически культурных групп, сопоставляемых с историческими иллирийцами; вероятно, из Македонии же шпильки с М-образной головкой были занесены в Грецию (Vasić 1982: 249-250).

Итак, руководствуясь географией и картографией находок, нельзя исключить гипотезу об импорте металлических изделий в греческие центры Северо-Западного Причерноморья из Фригии, материковой Греции, Македонии или Иллирии. Р. Васич допускает, что в Скифии булавки типа IVa появились под македонским или греческим влиянием (Vasić 1982: 251). Как полагают исследователи, «Illyria — in the widest sense, including Macedonia and Hallstatt — has a strong claim to the paternity of these pins» (Jacobstal 1956: 137), но для VI в. до н.э. достигающее Северного Причерноморья македонское влияние представляется чересчур гипотетичным.

Вместе с тем, предположив, что двойные булавки ввозились в эллинские апоики Северо-Западного Понта из Греции или Фригии как товар, логично было бы ожидать обнаружения шпилек также и к Востоку от Днестра. Такие находки тем более прогнозируемы для архаического времени, когда из различных регионов Ойкумены на берега Понта основные

поставки товаров, в том числе и аттических,¹¹ осуществлялись малоазийскими торговцами (Domaneantu 1996: 190-191). Однако, несмотря на малоазийскую «монополию», до сих пор ни одной двойной булавки не зафиксировано (не опубликованы?) ни в зоне жилой застройки, ни в некрополях городов Боспора. Как расценивать этот факт?

Хотя булавки с М-образной головкой и использовались населением материковой Греции (по картографии находок это единственный тип, получивший там относительное распространение), никто, по-видимому, не рассматривал эти изделия в качестве статьи экспорта, тем более шпильки столь примитивные в изготовлении. Предположению об одной случайной партии, завезенной на Березань, а оттуда — в правобережную лесостепь, противоречит сравнительная длительность бытования этих вещей: примерно с середины — третьей четверти VI (березанская находка) до начала — середины V в. до н.э., если верна датировка находок из лесостепи.

На материальную культуру эллинских колоний, в большей или меньшей степени, но повлияло варварское окружение, которое не было одним и тем же для всех античных центров на побережье Понта (Марченко 2005: 94). При сходстве ассортимента импортированных из материковой Греции или Малой Азии товаров, различия между комплексами вещественных находок Северо-Восточного и Северо-Западного Понта лучше улавливаются на уровне изделий негреческих, более характерных для «варварской» (иной этнической) среды, которая, невзирая на «повсеместное скифское присутствие», все же отличалась. Возможно, этим, а также начавшим формироваться после основания греческих колоний экономико-географическим районированием побе-

¹¹ «Athènes, bien renommée dans la production de la céramique, n'est pas encore, à cette époque-là, directement impliquée dans le commerce de la poterie, étant donné que, à cette date, elle était loin d'être une puissance maritime» (Domaneantu 1996: 190-191).

режья (Виноградов 1995: 7-8) объясняется привязка к античным центрам именно северо-запада Понта находок ранних вещей, генетически тяготеющих, вероятно, к Западным Балканам.

У расположенных западнее Днестра эллинских центров, — Борисфена, Ольвии, Керкинитиды (находилась в сфере ольвийского влияния), Никония и Тиры, — в рассматриваемый период (вторая половина VI — V вв. до н.э.), наиболее тесные отношения сложились с греческими колониями фракийского побережья — от Истрии до Аполлонии включительно¹² (Виноградов 1995: 14). Непосредственно Истрией, проявлявшей значительную активность на землях к востоку от Дуная, был, по-видимому, выведен Никоний. Учитывая эти факторы, допустимо предположение, что проникновение вещей иллиро-македонского типа шло через внутренние фракийские районы в Добруджу, оттуда — в полисы Западного Понта¹³, и далее — в Северо-Западное Причерноморье.

Следует также отметить, что редкие для территории современной Украины металлические вещи иллирийских типов несравненно чаще встречаются в соседней Румынии. Там давно признанное многими археологами «иллирийское присутствие» проявилось в материалах могильников юго-западной Олтении (Балта Верде, Басарабь, Острову Маре, Гогошу, Груй), особенно их металлическом ин-

¹² На это указывает использование в денежном обращении литых монет-стрелок, ареал которых охватывает и Аполлонию Понтийскую (Анохин 1986: 71, 77-78). Одна из версий происхождения монет-стрелок замыкается на Фракии (Анохин 1986: 68; Марченко 1974: 156; Карышковский 1988: 32-34).

¹³ Уже в VII — VI вв. до н.э., по предположению М. Парович-Пашикян, фукиционировали три главных пути проникновения греческих изделий в Иллирию (в частности, в район Глазнаца). Один из них «проходил из греческой метрополии по морю в античные города на западном берегу Понта, далее по бассейну Дуная и его притоков к иллирийцам» (Блаватский 1985: 213). При условии, что торговцы возвращались тем же путем, какая-то продукция иллирийских ремесленников могла попадать с ними в греческие колонии Левого берега Черного моря.

вентаре (Dumitrescu 1968: 201-217, 254-255; Мелюкова 1979: 105), а также памятников культурной группы Бырсешть-Фериджиле.¹⁴ Правда, шпильки на румынской территории известно лишь несколько, и среди них нет ни одной с М-образной головкой. Примечательно другое: все *Doppelnadeln* обнаружены или на перечисленных (иллирийских по происхождению) памятниках, или в их округе и датируются VI в. до н.э. Этим же временем, согласно последним находкам, датируются и наиболее ранние двойные булавки Северо-Западного Причерноморья.

Находки двойных булавок на территории Румынии

Гогошу (Мехединци): бронзовая булавка типа Ic из погребения I в кургане XIX могильника Гогошу (Berciu, Comşa 1956: 417-418, fig.141, 1; fig.179, 5); Р. Васич относит румынскую находку к первой половине VI в. до н.э. (Vasić 1982: 226-227).

Островул Маре (Мехединци): бронзовая булавка типа IIIa; по сопровождающему инвентарю, — имитация греческой ойнохой (рис. 6, 1, 2), — Р. Васич датирует шпильку второй половиной — концом VI в. до н.э. (Vasić 1982: 234, 236, Anm.38, Taf.5, 3).

Район Железных Ворот (Мехединци): булавка типа IIIb (Vasić 1982: 238, Abb.5, 10).

¹⁴ Фракийское, по мнению ряда исследователей (например, см.: Vulpe 1962: 313), происхождение группы Фериджили-Бырсешть вызывает определенные сомнения. Миски с отогнутым наружу краем и миски с загнутым внутрь краем (типичны для погребений эпонимного памятника — могильника Фериджили) присутствуют и в примерно синхронных (Васић 1973: 86-89, пр.19) захоронениях в Доньей Долине (Truhelka 1904: Taf.LI, 1; Taf.LXXIX, 2, 4). Аналоги своеобразным, резко отличающимся от скифоидных наконечникам стрел из Фериджили есть в Сербии, в ареале «Брничка» группы могильников, некоторое сходство с которой прослеживается и в сооружении «a kind of low tumuli» из камня и земли (Васић 1973: 103-104, 138-139, табл.XIV, 23 — некрополь Донья Брница). Похоже, что по мере исследования памятников Сербии и роста количества публикаций будет увеличиваться и количество совпадений.

На территории Румынии все находки сосредоточены в Подунавье, в районе Железных ворот — традиционном месте проникновения пришельцев с запада в Валахию и далее на восток. «Иллирийская экспансия» шла по обеим сторонам Дуная: похожие на олтенские погребальные комплексы исследованы в Северо-Западной Болгарии (Berciu, Comşa 1956: 479-480; Николов 1965: 166-169; Dumitrescu 1968: 201; Бруяко 2005: 192); булавки того же типа III обнаружены в районе Железных Ворот на правом берегу Дуная, в восточной Сербии — Реска Вага (Ша), Zlot-Nöhle (III d — конец VII — первая половина VI в. до н.э.) (Vasić 1982: 234; 240-241).

В лежащих южнее фракийских землях — на территории современной Болгарии — двойные булавки также немногочисленны.

Находки двойных булавок на территории Болгарии

Кадин мост / Невестино (Кюстендил): бронзовая булавка типа Ic находилась в одном из трех разрушенных погребений (Венедиков 1963: 16, 18, обр.3). Если считать их примерно одновременными (что представляется наиболее вероятным) и учитывать все обнаруженные в них находки, комплексы (и соответственно шпилька), по мнению Р. Васича, могут быть датированы началом VI в. до н.э. (Vasić 1982: 223, Abb.2; 226, 227-228). Датировка, предложенная для двойной булавки Д. Герговой, шире — фаза IIa железного века, или середина VII — середина VI вв. до н.э. (Gergova 1987: 15, 65, Taf.27, A49).

Царевца / Влашко село (Враца): Д. Гергова описывает находку из кургана как *Doppelnadel mit kreuzförmigen Bügel* и датирует её VIII — VII вв. до н.э. (Gergova 1987: 65, Taf.27, A50). У Р. Васича бронзовая шпилька вошла в список вещей типа IIIa (Vasić 1982: 229, Abb.3). Однако по прошивке, приведенной в работе болгарской исследовательницы, экземпляр из Царевца, скорее, представляет собой простой вариант типа IIb: шпилька очень похожа на утратившую оплетку двойную булавку из погребения 531 некрополя

Санта Лючия (рис.6, 3-4) сочанской культурной группы в западной Словении (карта «Культурные группы и основные археологические памятники раннего железного века в Югославии» см.: Vasić 1973: 120). Подобные шпильки Р. Васич датирует от середины VII до V вв. до н.э. (Vasić 1982: 230-231, Abb.4, 3). Болгарская находка территориально тяготеет к Подунавью.

Севтополис / Казанлык (Стара Загора): бронзовая булавка типа IVa — единственное «промежуточное звено» между предполагаемым субстратным регионом и Северо-Западным Причерноморьем. Обстоятельства находки позволяют датировать ее более чем приблизительно — не позднее IV в. до н.э. (Огненова-Маринова 1984: 160, 170, обр.1, 1; Vasić 1982: 247). К сожалению, из краткого упоминания не ясно, считают ли болгарские археологи время основания города нижней допустимой датой для шпильки или же шпилька может относиться к более раннему периоду.

Льяски (Благовград): бронзовая булавка, аналогично находке из Царевца, охарактеризована Д. Герговой как *Doppelnadel mit kreuzförmigen Bügel* (Gergova 1987: 65, Taf.27, A51). В сводке Р. Васича не учтена. По классификации этого исследователя шпилька может быть отнесена к варианту «а» типа V — *kleblattförmigen Kopf* (по: Vasić 1982: 252), или *the trefoil pins* (по: Jacobsthal 1956: 137, fig.394). При широком ареале распространения (от Италии до Болгарии), изделия типа V сравнительно немногочисленны. Итальянские находки восходят к VII в. до н.э., словенские (итальянские влияния) — к концу того же столетия. Болгарскую булавку Д. Гергова датирует VI вв. до н.э. (Gergova 1987: 65), что согласуется с датировкой аналогичных вещей в Эгейской Фракии (Эдонохори, Амфиполис) (Vasić 1982: 253).

На территории Болгарии двойные булавки зафиксированы в Подунавье (Царевец) и в юго-западных, лежащих ближе к Македонии, районах в долинах Струмы (Кадин Мост) и Месты (Льяски).

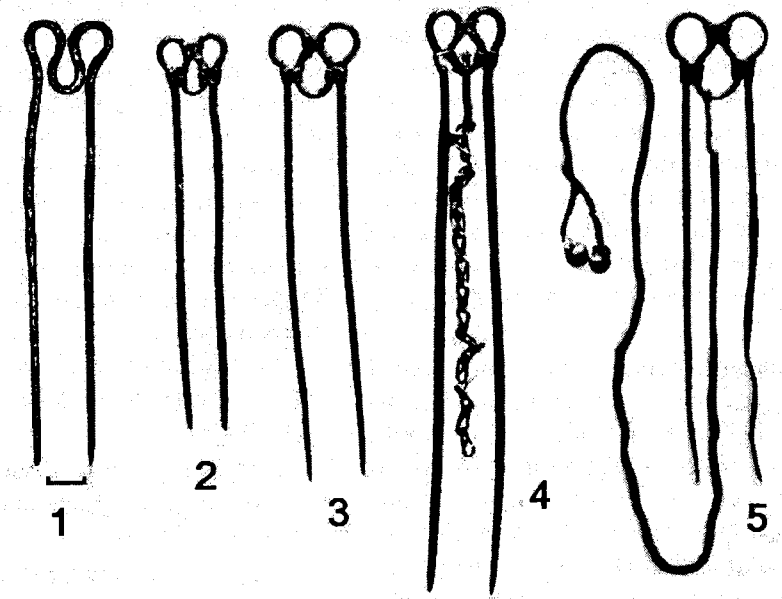

Рис.5. Двойные булавки типа IVa: 1 — погребение у с. Маяки (Нижнее Поднестровье); 2-5 — погребения I, III, VII могильника Требениште (по: Filov 1927: Abb.31, 2-5).

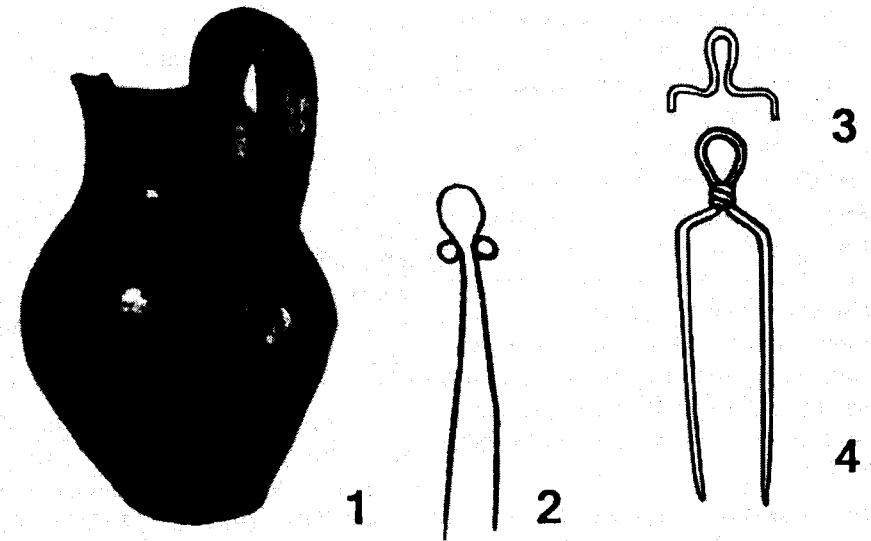

Рис.6. 1-2 — сосуд и булавка типа IIIa из погребения могильника Островул Марс (Олтения); 3 — фрагмент бронзовой булавки (тип IIb?) из Царевца (Болгария); 4 — двойная булавка (простой вариант типа IIb) из погр.531 некрополя Санта Лючия (Словения). (1-2, 4 по: Vasić 1982: Taf.5, 3-4; Abb.4, 3; 3 по: Gergova 1987: Taf.27, A50).

В пересеченной горными хребтами части Балканского полуострова направление основных дорог издавна пролегалo по удобным долинам и ущельям рек, проходя по наиболее доступным перевалам к новой речной долине (Блаватский 1985: 214). По картографии находок можно не только очертить ареалы представленных в Болгарии и Румынии типов шпилек, но и примерно наметить пути распространения изделий.

В прилегающем к северной Эгейде регионе — между долинами Нестоса на востоке и Аксия на западе, от Эгейского побережья с горой Пангей и полуострова Халкидика на юге, до среднего течения или даже самых верховьев Аксия, Струмы (Стримона) и Месты (Нестоса) на севере — общность культурных процессов прослеживается с конца бронзового века и на протяжении I тыс. до н.э. (Bozkova 1997: 338). Дороги вдоль течения Струмы и Месты, соединявшие долины этих двух рек с побережьем Эгейского моря и территориями будущего Македонского царства, активно использовались, по крайней мере, с эпохи поздней бронзы (Bozkova 1997: 339). Двойные шпильки к верховьям Струмы могли поступать с запада, из долины Вардара (где представлены почти все типы и их варианты) или с юга, из Эгейской Фракии: в низовьях Струмы, в Эдонохори и Амфиполисе, известны шпильки четырех (в том числе IVa и IVc) из шести выделенных Р. Васичем типов. Вероятнее всего, с юга попала вверх по долине Месты и булавка типа Va (Льяски). Эта разновидность, почти не имевшая распространения на территории собственно Иллирии, намного лучше представлена в низовьях Вардара и Струмы (Vasić 1982: 253, Abb.13).

Таким образом, если говорить о «фракийском», через *hinterland*, пути проникновения вещей иллирийских типов в Добруджу (а отсюда в Северо-Западное Причерноморье), то по имеющейся на сегодняшний день картографии находок очерчиваются два потенциальных (возможно, транзитных) региона-поставщика:

тесно связанная с соседней Македонией южная Фракия и западная Валахия (Олтения). Конечно, целесообразнее остановиться на первом варианте, по крайней мере, находки булавок с М-образной головкой там не просто прогнозируемы, они уже есть. Более того, их датировка вполне соответствует времени появления этой категории вещей в Северо-Западном Причерноморье: по сопровождавшей позднекоринфской керамике две булавки типа IV из погребений 12 и 41 в Эдонохори датируются серединой VI в. до н.э. (Vasić 1982: 248).

С другой стороны, второй, олтенинский, вариант также не представляется безнадежным.

В долине Струмы, по сводке Р. Васича, отсутствуют несколько разновидностей булавок, представленных в бассейне Дуная:

тип II, вариант b (Царевец);

тип III вариант a (Островул Маре, Реска Вага — район Железных Ворот);

тип III вариант b (район Железных Ворот);

тип III вариант d (Zlot-Höhle, район г. Бор, прилегающий к Железным Воротам).

Типы IIb и III d (рис. 7) ни разу пока не встречены южнее Албании и являются, похоже, сугубо западнобалканскими вариациями. Аналог шпильке из Царевица (предположительно типа IIb) — сербская находка «aus Sarine Medje, Svetozarevo» (р. Белица, нижнее течение Моравы), то есть также в Подунавье (Vasić 1982: 229, Abb.3; 230-231). Восточнее Моравы в Сербии известна только одна булавка типа III d (из Zlot-Höhle), датирующаяся концом VII — первой половиной VI в. до н.э. (Vasić 1982: 231, 237, Abb.8).

Типы IIIa и IIIb зафиксированы на территории Греции и Македонии, но не восточнее долины Вардара.

Шпильки указанных вариантов типов II и III сконцентрированы в Боснии и Герцеговине (Vasić 1982: Abb.8), в ара-

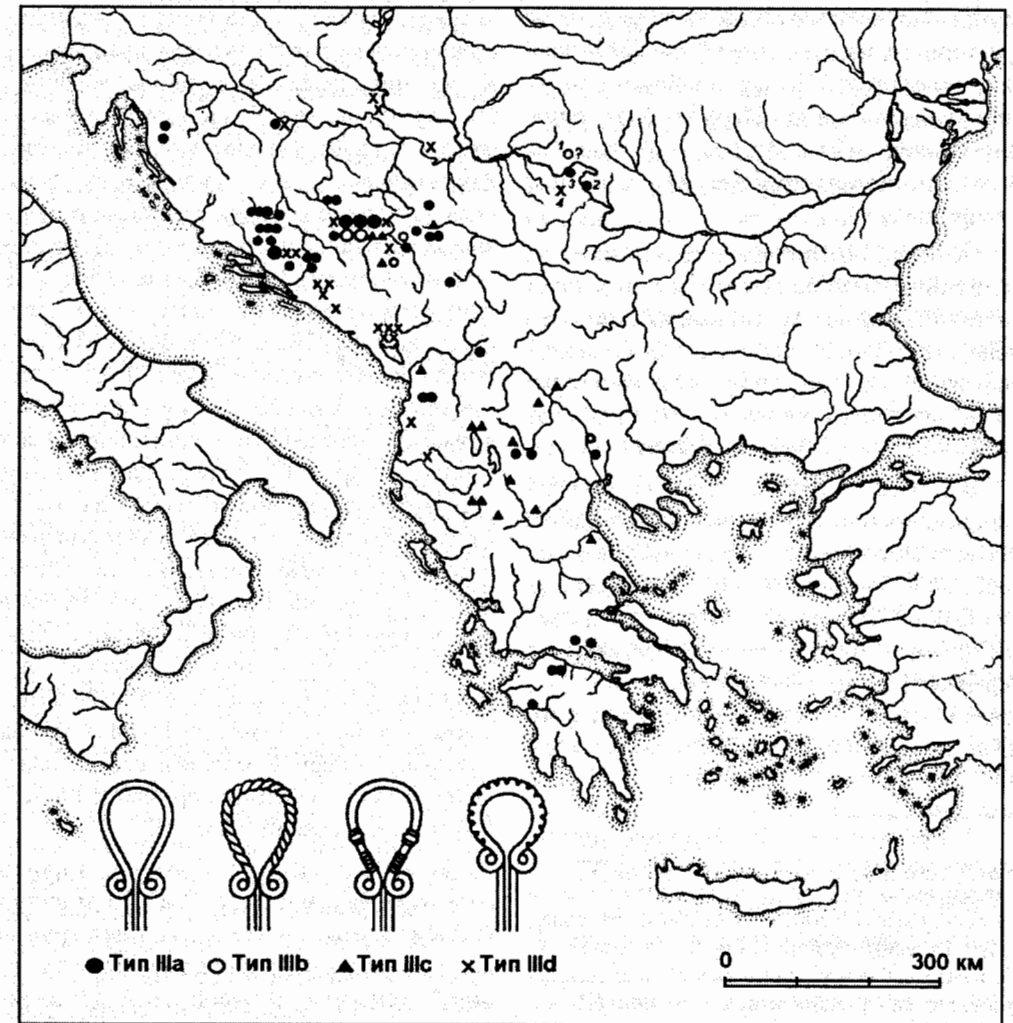

Рис. 7. Карта распространения двойных булавок типа III на Балканском полуострове: 1 — район Железных Ворот (?); 2 — Островул Маре; 3 — Реска Вага; 4 — Zlot-Höhle (по: Vasić 1982: Abb.8).

лах культурных групп Глазнаца и Горица (карту см.: Vasić 1973: 120). Первую из них исследователи уверенно соотносят с автариятами письменных источников (Strabo VII, 5, 11; Appian I 11, 3); «the identification of the Gorica group with the nucleus of the Ardiaean tribe is less acceptable, though still possible» (Васић 1973: 117, 142). По-видимому, племенами глазнацкой культурной группы или ее округи двойные булавки (и традиция их изготовления?) были занесены в окрестности Железных Ворот и юго-западную Олтению. Период бытования там булавок — VI в. до н.э. — совпадает с конечным этапом пребывания в Олтении иллирийцев.

По мнению многих авторов, именно иллирийцы, а не подвергшиеся сильному иллирийскому влиянию фракийские племена, находились в юго-западной Олтении примерно с конца VIII — начала VII до VI вв. до н.э. включительно (Dumitrescu 1968; Vulpe 1962; Зверев 2000¹⁵).

В I тыс. до н.э. граница, отделявшая иллирийские земли от фракийских, проходила, как полагают, по долине Моравы (Dumitrescu 1968: 258; Васић 1973: 116). В начале VII или конце VIII в. до н.э. какая-то иллирийская группа проникла в Нижнее Подунавье и укрепила по его левобережью, в Олтении, заняв земли от Железных Ворот до Калафата (Dumitrescu 1968: 258). Образовавшийся ан-

¹⁵ Предложенная Е.Ю. Зверевым относительная хронология для могильников Олтении, в целом, выглядит отвечающей археологическим реалиям. Вместе с тем, допущен ряд, возможно, несущественных для решения поставленной исследователем задачи, неточностей. Акцентируя внимание на мужских и женских погребениях, автор не оговаривает достаточную условность (по крайней мере, для могильника Басараб, см.: Dumitrescu 1968: 252) разделения комплексов по половому признаку. Не совсем ясен принцип отбора хроноиндикаторов. Например, в хронологической таблице, учитывались железные ножные кольца и бронзовые многовитковые браслеты из Балта Верде (Зверев 2000: 180-181), аналогичные же предметы, найденные в погребениях могильника Басараб (Dumitrescu 1968: 211, fig. 18, 3-6; fig. 19, 13-19; fig. 20, 9-12), без каких-либо оговорок, просто не упоминались и т. п.

клав¹⁶ заселили, вероятно, представители различных (союзных?) племен. В пользу гипотезы о племенном объединении свидетельствует длительность существования иллирийской «колонии» и функционирование нескольких, отчасти синхронных (принадлежали различным племенам или родам?) могильников. Концентрация некрополей на небольшой территории указывает на значимость района, служившего, очевидно, иллирийским стратегическим плацдармом. Кроме того, целью иллирийцев, вероятно, был контроль над Джердапом: олтенская группа «сидела» у входа в ущелье с востока. Аналогичная группа, по-видимому, охраняла «западные ворота»: подобные олтенским могильники открыты выше Джердапа (район Молдовы Ноуэ) (Gumă 1993: 220-224), в местности, похожей на участок долины Дуная (два рукава русла, острова) в юго-западной Олтении. В течение 150-200 лет существования анклава «пропускной пункт», возможно, переходил от одной иллирийской группы к другой. Однако, по-видимому, весь этот период любые передвижения из Среднедунайской в Нижнедунайскую равнину и в обратном направлении по долине Дуная (кратчайший путь) осуществлялись под контролем иллирийцев, должно быть, получавших от этого определенную выгоду. В VI веке ведущую роль в предполагаемом союзе играла, очевидно, культурная группа Глазнаца — период ее наивысшего расцвета (фаза IVc) приходится примерно на 625-500 гг. до н.э. (Васић 1973: 83).

В ареале группы Глазнаца хорошо известны булавки типа IVa. По мнению Р. Васича, именно эта культурная группа сыграла решающую роль в распространении М-образных булавок на запад: вариант «а» типа IV и его субварианты широко представлены в Герцеговине; значительное количество зарегистрировано, например, в ареале группы Горичка, включая

¹⁶ Трудно сказать, был ли это «анклав» в буквальном смысле слова, т.е., перефразируя международное право, была ли территория, занятая иллирийцами, окружена со всех сторон фракийскими племенами. Типологически близкие олтенским комплексы, как уже упоминалось, открыты и в Северо-Западной Болгарии.

саму Горицу (Vasić 1982: 243, 245, 250). Проникновение этой формы на северо-восток также шло из зоны Глазнаца: находки М-видных булавок зафиксированы в северной Сербии на относительно небольшом расстоянии от Железных ворот (район Белграда; Умчари, район Смедерево) (рис. 5).

Правда, боснийские (и, естественно, сербские) вещи моложе, чем аналогичные артефакты из южных областей. В разработанной для Глазнаца хронологии наиболее ранние экземпляры датируются конечной стадией фазы IVc, а поздние — фазой Vb, то есть подобные вещи были в употреблении в ареале глазнацкой культурной группы со второй половины VI до начала III в. до н.э. (Vasić 1982: 247).

Нужно отметить, что датировка ранних вещей — слабое место, по-видимому, не только для анатолийских памятников, но и для Балкан: и там, и там абсолютная хронология уступает в разработанности относительной. На территорию выделенной в качестве первичного очага Македонии (ее греческую часть), — в силу исторического развития и просто географического положения, — раньше и в большем количестве, чем в Иллирию, поступала собственно эллинская продукция, дающая археологам достаточно надежные абсолютные даты. Возможно, поэтому древнейшими считаются комплексы с булавками типа IVa, обнаруженные в древней Македонии и Эгейской Фракии, так как именно эти комплексы содержат наиболее ранние, универсальные для рассматриваемой эпохи хроноиндикаторы — греческие керамические импорты. В центральных районах Балканского полуострова, которые могли бы являться субстратными и где абсолютные даты, как правило, также привязаны к греческим импортам, ситуация неопределеннее. Указывая зону Глазнаца как стартовую для проникновения шпилек типа IV на запад Балкан, Р. Васич в то же время пишет, что, в конечном итоге, появление этого типа в Южной Адриатике и Герцеговине остается не ясным (Vasić 1982: 250). Складывается впечатление,

что начальный период не совсем ясен не только для Герцеговины, но и для Боснии. Предложенная Р. Васичем схема вероятных путей распространения М-образных булавок на полуострове далеко не бесспорна, это лишь предварительные наброски: не опубликованы и соответственно не учтены многочисленные находки из западных областей; далеко не всегда надежна и вообще возможна датировка вещей (Vasić 1982: 248).

Что касается могильников юго-западной Румынии, сходство их материалов с глазнацкими очевидно не только для сторонников, но и для противников мнения об иллирийской принадлежности олтенских памятников. Приверженцы фракийского генезиса некрополей Олтении (например, исследователь Балта Верде и Гогошу Д. Берчу) объясняют наличие в погребальных комплексах вещей явно иллирийских типов тем, что продукция мастеров Иллирии поступала к автохтонному (фракийскому) населению путем межплеменного обмена.

Присоединяясь к оппонентам Д. Берчу, хочу остановиться на артефактах, которые почти не упоминаются в статьях об иллирийском присутствии в Олтении. Речь идет о трех иллирийских, или так называемых греко-иллирийских¹⁷ шлемах, происходящих из западной и юго-западной Румынии. Случайные разновременные находки вместе были опубликованы Д. Берчу (1958).

Один из шлемов обнаружен в Банате, у с. Жидовин (коммуна Берзовия); второй — в Трансильвании, на левом берегу Муреша, в

¹⁷ Такие шлемы называли «коринфскими», «иллиро-греческими», «греко-иллирийскими», «фракийскими» и т.д. (Filov 1927: 80-81, 106; Bergiu 1958: 443-444), большинство их происходит с территории Иллирии. Появление на монетах Скодры и Лисса в качестве эмблемы изображения шлема, когда сами вещи уже вышли из употребления (Bergiu 1958: 444), очень красноречиво. Именно это «запоздание» свидетельствует в пользу, если не исконно иллирийского происхождения, то, по крайней мере, особой значимости, осознанной «иллирийскости» данного типа защитных головных уборов.

Окна-Муреш (район Аюд); третий — в Олтеннии, на территории коммуны Gostovăț, район Каракала (Berciu 1958: 442). Интерпретация этих находок у Д. Берчу аналогична данной тем же исследователем иллирийским вещам из олтенских могильников. Шлемы — предмет греческого экспорта — принадлежали представителям фракийской знати, которым были преподнесены в дар иллирийцами или же попали к фракийцам через Иллирию, посредством обмена между племенами (союзами племен, племенной знати) (Berciu 1958: 444, 449-450). Самый поздний, с точки зрения Д. Берчу, в румынской серии шлем из района Каракала исследователь датировал второй половиной — концом V в. до н.э. (даже началом IV в.); две другие находки — первой половиной — серединой V в. до н.э. (Berciu 1958: 448). В районе обнаружения олтенского шлема известны курганы и керамика раннего железного века. Поэтому публикатор небезосновательно предположил, что шлем мог происходить из разрушенного курганного или грунтового погребения воина (Berciu 1958: 439). Но совсем не очевидно, что этот воин, как считал Д. Берчу, был фракийцем. Все три шлема датируются, вероятнее всего, концом VI или самым началом V вв. до н.э. (экземпляр из Жидовина, возможно, относится даже к более раннему периоду¹⁸). К тому же хронологическому горизонту принадлежит и пояс типа Мраморац, найденный предположительно в районе Пескари (Gogâltan 1994: 17, 20). Исследователи, поддерживающие идею присутствия в юго-западной части Олтении собственно иллирийцев, полагают, что пришельцы с запада оставались здесь по VI в. до н.э. включительно. Таким обра-

¹⁸ М. Гума, наоборот, считает шлем из Жидовина более поздним (Gumă 1993: 240, pl.CVII, A). На мой взгляд, его датировка, как и даты Д. Берчу, завышена. Среди аналогов олтенскому шлему Д. Берчу приводит шлем из погребения VI могильника Требениште и относит все три шлема из Румынии к третьему варианту (Berciu 1958: 444), выделенному ещё Б.Д. Филовым на материалах Требениште (Filov 1927: 82). Но, несмотря на различия в шлемах, по греческим бронзам и керамике, все «кнежевски гробови» (I-XIII) некрополя Требениште датируются последней третью (или четвертью) VI — самым началом V в. до н.э. (Vasić 1990: 144).

зом, шлемы и пояс могли принадлежать не фракийской, а иллирийской знати. События, предопределившие конец существованию олтенской и банатской групп иллирийцев, вряд ли были одноразовыми, вероятнее, они происходили на протяжении всего VI в. до н.э. Что это были за события, чем они были вызваны, и какова была судьба обитателей анклава?

Согласно некоторым авторам, поселение у г. Александрия (Мунтения), в керамическом комплексе которого первое место занимают кружальные сероглиняные сосуды «южно-фракийского облика», возникло в первой половине VI в. до н.э. в результате продвижения южных фракийцев к северу от Гемма вплоть до Дуная (Condurachi 1963: 43-49; Мелюкова 1979: 107-110). По мнению Д. Берчу, базирующемуся, в том числе, на анализе материалов Александрии, вообще вся «равнинная часть Валахии и Олтении входит в южно-фракийское культурное единство» (Berciu 1960: 267-268, 281). Даже если это и так, вряд ли в VI в. до н.э. фракийцы представляли реальную военную угрозу для иллирийцев и стали причиной ухода последних из Олтении¹⁹.

Действенным фактором, вынудившим иллирийцев покинуть стратегически важный район, могли послужить пришельцы с востока — трансильванская и потисская группировки скифов. Если шлем из Каракала гипотетически можно связать с олтенским анклавом иллирийцев, пояс из Пескари и шлем (связь менее очевидна) из Жидовина — с «западной» группой, то шлем, найденный на берегу Муреша, возможно, попал в Трансильванию в качестве трофея, после прямого военного столкновения между скифами и иллирийцами. Не лишено вероятности, что предполагаемое противостояние (Брюяко 2005: 194-196) востока и запада, скифов — иллирийцев, действительно имело место и, в какой-то степени, повлияло на ситуацию в регионе.

С одной стороны, это противостояние

¹⁹ Было даже высказано мнение о миграции в противоположном направлении — из Олтении в Южную Добруджу (Ткачук 1995: 19).

могло стать препятствием для продвижения кочевников на юго-запад и послужить одним из факторов, заставивших скифов обратить взоры в диаметрально противоположном направлении. Косвенно это подтверждают схемы предполагаемых маршрутов набегов восточных номадов в Средней Европе в конце VII — VI вв. до н.э. (Брюяко 2005: 304-305, рис.79). По картографии находок вещи скифского типа не фиксируются к югу от линии Средний Дунай — верховья Савы (рис.8), то есть южнее почти всей северной границы²⁰ зоны расселения и влияния западнобалканских (иллирийских и их соседей) племен в VI в. до н.э. Кажется, «that the contact with the Scythians at the end of the six century ... did not bring about great change in the indigenous (иллирийской — Авт.) culture which bore strong local characteristics at this time» (Васић 1973: 122).

С другой стороны, это противостояние могло помешать и дальнейшему расширению на восток зоны влияния иллирийцев, более того, — вынудить их, вероятно, в конце VI в. до н.э. отступить за Дунай.²¹ То, что из района Железных Ворот иллирийцы ушли не ранее VI в. до н.э., подтверждают комплексы с иллирийскими булавками. Найденные в могильниках Гогошу (курган XIX, погр.1) и Островул Маре, они у Р. Васича датируются первой половиной VI в. до н.э. (Vasić 1982: 226-227) и второй половиной — концом VI в. до н.э. (Vasić 1982: 234, 236, пр.38,

²⁰ Соответствующей, в основном, северной границе ареала распространения двойных булавок.

²¹ По-видимому, расстановка сил на Среднем Дунае изменилась. Симптоматично, что чуть ли не с конца VI в. ещё мощная глазнацкая группа начинает постепенно уступать свои позиции в Центральных Балканах. Уменьшение уже для начала V века количество погребений исследователи объясняют нарастающим оттоком населения с Глазнацкого плато и переориентацией интересов племенной знати на Юг (Васић 1973: 83-85). Подобные явления, вряд ли, объяснимы лишь обаянием греческой культуры и стремлением иллирийских вождей «to enlarge their treasures and strengthen their power by approaching more closely the frontier of that, for them, still mysterious Greek civilization» (Васић 1973: 133-134).

Taf.5,3) соответственно. Интерес представляет также курган XVIII некрополя Гогошу, где, наряду с лепными, обнаружен изготовленный с помощью гончарного круга сероглиняный сосуд с высоко поднятой ручкой и плоским дном (Berciu, Comşa 1956: 417, fig.140, fig.141,6). Территориально ближайшие аналоги этому олтенскому кувшинчику-черпаку есть в керамическом комплексе поселения Александрия, в соседней Мунтении, из которой или через которую сероглиняная керамика (или идея гончарного круга) и могла попасть в юго-западную Олтению (Preda 1959: 183, fig.2,3, fig.4; Preda 1961: 210-211). Поселение же, чьи обитатели положили в погребение сородича сероглиняный кувшин, безусловно, располагалось где-то поблизости от могильников. Ни фракийцы, ни иллирийцы не были кочевниками. По логике, за почти 200-летнее существование иллирийского анклава должны были сохраниться какие-либо следы жизнедеятельности и поселенческие структуры, которые можно было бы более или менее уверенно соотнести с культурной группой, оставившей олтенские могильники.²² Невозможно также представить, тем более учитывая определенное сходство иллирийской и фракийской культур, чтобы в течение всего этого периода обитатели анклава жили в полной изоляции от фракийского окружения. В. Думитреску, рассматривая материалы могильника Басарабь, заметил, что факт использования керамики одноименной культуры иллирийцами, возможно, является показателем их прогрессивной ассимиляции; межплеменные связи и культурные контакты первого времени постепенно могли трансформироваться в узы прямого родства. Более того, румынский исследователь считал маловероятным возвращение иллирийцев под давлением обстоятельств на правый берег Дуная, склоняясь к предположению о постепенном растворении анклава в массе обитавших

²² Несмотря на природные и техногенные разрушения, количество исследованных погребений постепенно увеличивается. Надо полагать, население «анклава» не было очень маленьким.

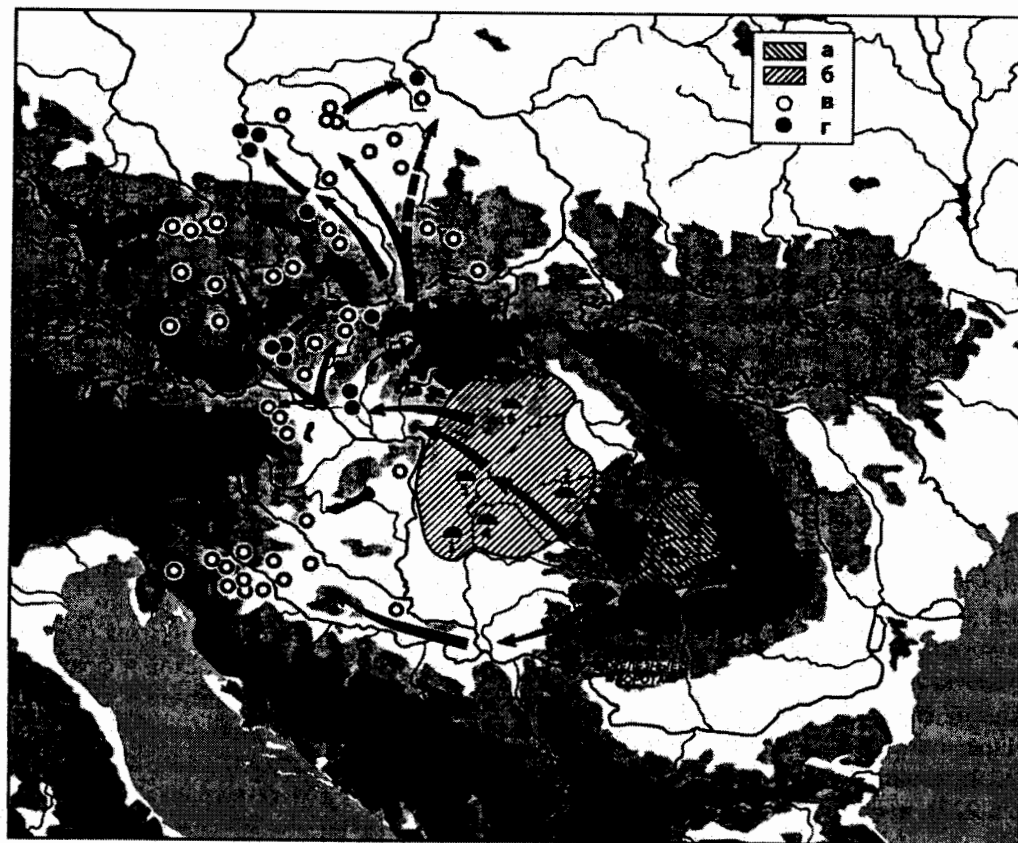

Рис.8. Скифская экспансия в Среднюю Европу в конце VII – VI вв. до н.э.
(по: Бруяко 2005: рис.79):
а — ареал Трансильванской группы; б — ареал Потисской группы;
в — пункты находок вещей скифского типа в Средней Европе;
г — местонахождения с находками скифского типа.

к северу от Дуная фракийцев (Dumitrescu 1968: 260).

Соглашаясь, в общем, с интерпретацией В. Думитреску, второе ее положение могу принять лишь частично. На протяжении всего периода существования анклава «историческая родина», по-видимому, поддерживала с ним постоянные связи, «подпитывала» его население (что показывает, хотя бы, изменение типов оружия), а в трудные моменты могла оказывать и военную помощь. Поэтому, надо полагать, какая-то часть обитателей анклава, покинув Олтению, все же ушла на запад, в Иллирию, а какая-то — пустившая корни в местной среде — осталась на месте или продвинулась далее на восток, в Добруджу. Путь вниз по долине Дуная был хорошо известен. Этой же дорогой, но в обратном направлении, из района, судя по всему, Истрии (Бруяко 1992: 19-20; Смирнова 1999: 55-56), шло достигшее и Олтении распространение серой кружаловой керамики или, что вероятнее, технологии ее изготовления.²³ Фрако-иллирийским звеном между Добруджей и Олтенией, возможно, и является уже упоминавшееся поселение у г. Александрия, а также другие, расположенные там же в Мунтении и в самой Олтении, мало известные и мало исследованные памятники (Vergiu 1960: 264-267). Во всех этих пунктах, по сводке Д. Берчу, представлены обе группы керамики²⁴ (лепной и кру-

²³ В противном случае получается, что из греческой продукции в регион экспортировали исключительно сероглиняную посуду и греко-иллирийские шлемы. При этом греческое происхождение этих вещей спорно, так как обе категории более характерны, даже типичны для варварских этносов: шлемы — для иллирийцев; сероглиняные черпаки с высоко поднятой ручкой (форма типичная вообще для Балкан, например, см.: Papadopoulos 2001: 162), изготовленные с помощью гончарного круга, — для фракийцев.

²⁴ Если эти памятники действительно примерно синхронны Александрии, то их материалы подтверждают версию распространения серой керамики / технологии ее изготовления из района Истрии. Указанные Д. Берчу пункты расположены вдоль Дуная, от низовьев до Олтении включительно.

жалной сероглиняной), характерные для занимающей «особое место в румынской литературе» Александрии (Мелюкова 1979: 107).

Аналогии александрийским сосудам обеих групп К. Преда указывает в керамических комплексах некрополя Гогошу (сероглиняный сосуд из кургана XVIII), а также памятника истрийской хоры Тариверде (Preda 1961: 210-211). На поселении Тариверде, как и в Александрии, обнаружены округлые грунтовые комплексы, биконические «урны» и редкие для Добруджи фибулы типа Глазнац с треугольным приемником (Moscalu 1983: 22-23; Condurachi și colab. 1957: 81, fig.61, 1). Таким образом, приток из Олтении в Добруджу, в частности, в Истрию и на поселения ее хоры, вещей иллирийских типов и даже непосредственных носителей иллирийских традиций не исключен. Учитывая тесные связи городов Фракии с Нижнем Побужьем и Поднестровьем, не исключается и последующее распространение характерных вещей или традиции их изготовления далее на северо-восток.

* * *

Нужно отметить, что в Нижнем Побужье, кроме двойных булавок, встречаются и другие находки, восходящие к западной — юго-западной традиции. На Березани, в том же нивелировочном слое над ямами 65 и 67 (участок «О»), помимо похожего на часть двойной булавки фрагмента, обнаружены обломки баночных сосудов с налепными валиками и часть бронзового «пинцета» (Чистов 2006: 64-65, илл.32, 15) — вещи, генетически связанные с регионами, лежащими значительно юго-западнее.

Довольно обычные для западно-балканских погребальных комплексов «пинцеты»²⁵ (Васић 1973: pl.VIII, 31; pl.IX, 28; pl.XI, 30; Vasić 1982: 238) присутствуют также в могильниках юго-западной Олтении (Dumitrescu 1968: 208, fig.17, 3; Ciocsa Safta 1996: 168, fig.6.3). Как пи-

²⁵ Как и вообще подвески самых разнообразных типов.

сал о подобных находках В. Думитреску, «*s'il s'agit vraiment d'une pincette, c'est toujours dans les régions illyriennes que nous devons rechercher des analogies, car — ainsi qu'il est bien connu — ce genre d'objet est caractéristique pour ces parages*» (Dumitrescu 1968: 208).

К юго-западу тяготеет и найденный на Западном теменосе Ольвии²⁶ «небольшой бронзовый предмет, имеющий вид трехлопастного пропеллера» (Древнейший теменос... 2006: 211). Судя по фотографии, это так называемые пропеллерообразные украшения (их считают навершиями для булавок или подвесками), большинство которых происходит с фракийской территории, в частности, из Добруджи (Сагу-Ноу, Чернавода, Пятра-Фрекацей и др.), откуда «пропеллеры» могли поступать в Северо-Западное Причерноморье.

Традиционное, приемлемое всеми объяснение обнаружения в нашем регионе артефактов, несомненно, не местной этнокультурной среды, — торговля. Между тем, проблему «западных импортов» можно попытаться рассмотреть в ином ракурсе: изготовление вещей соответствующих типов непосредственно в античных центрах Северо-Западного Причерноморья. Ведь возможных вариантов появления на Северо-Западном Понте тех же булавок с М-образной головкой два — импорт изделий или же «импорт» традиции / носителей традиции. Учитывая такие факторы, как:

- удаленность предполагаемых центров-производителей или центров-поставщиков (Иллирия, Греция и т.д.);

- наибольшая концентрация *Doppelnadeln* всех типов (и, в частности, самых многочисленных и распространенных булавок с М-образной головкой) в Македонии и Иллирии, где, можно предполагать, находились основные центры изготовления *Doppelnadeln* и обитали носители традиции;

²⁶ Не лишено вероятности, что в материалах Западного теменоса Ольвии, среди «различных предметов, изготовленных из проволоки» (Древнейший теменос... 2006: 211), также есть обломки двойных булавок.

- неоднократные культурные импульсы из западнобалканских (иллирийских), предположительно субстратных, регионов по Дунаю, через район Железных Ворот, во Фракию;

- бытование двойных шпилек только в северо-западной, смежной с Фракией, части понтийского региона;

- тесные связи Борисфена, Ольвии, Никония, Тиры с греческими городами Добруджи;

- находки наиболее ранних экземпляров М-видных булавок в Борисфене и на памятнике никонийской хоры;

- материал, из которого сделаны²⁷ происходящие с нашей территории шпильки, технологическую примитивность их изготовления и, вместе с тем, достаточно оригинальную форму

— гипотеза, что подобные вещи являлись в Северном Причерноморье только предметом импорта, представляется недостаточно аргументированной, чтобы категорически отвергать другие предположения. В определенной мере здесь уместно замечание, сделанное при раскопках Аполлонии Иллирийской В.Д. Блаватским: «...в городище Аполлонии найдены предметы иллирийского производства, которые слишком малочисленны, чтобы быть товаром, привезенным от иллирийцев. Скорее в них можно видеть имущество тех иллирийцев, которые по тем или иным причинам находились в Аполлонии» (Блаватский 1985: 214). Естественно, нельзя экстраполировать ситуацию в юго-западной части Балкан на Северо-Западное Причерноморье буквально, хотя бы в силу огромного территориального разрыва. Вместе с тем, исключив конвергентное появление подобных вещей, поставить вопрос о «выплеске» в наш регион какой-то, по-видимому, небольшой группы непосредственных носителей традиции кажется правомочным.

²⁷ На Балканах, в отличие от Северного Причерноморья, известны не только бронзовые, но и железные, серебряные и даже золотые булавки этого типа (Vasić 1982: 242).

«В целом, в гетерогенности архаического населения Нижнего Побужья сомневаться не приходится. Помимо эллинов, являющихся доминирующим этническим элементом, здесь присутствовали выходцы из различных варварских племен» (Крыжицкий и др. 1989: 91). Если согласиться с данным тезисом, то находки характерных для этих племен вещей должны быть ожидаемы. Как и при рассмотрении вопроса о поступлении шпилек в качестве товара, можно предположить два направления поисков региона-«поставщика».

При всей ненадежности дат для памятников Фригии, юго-восточную — фригийскую — версию нельзя сбрасывать со счетов. Вопрос о присутствии в потоке первых ионийских переселенцев в Северное Причерноморье представителей анатолийских народов недавно поднял С.Л. Соловьев (Соловьев 2007: 12). Среди возможных специализаций западных анатолийцев, фригийцам отводится строительство и, что более интересно в данном конкретном случае, — ремесло (Соловьев 2007: 13). Гипотетически можно допустить, что шпильки были изготовлены выходцами из Анатолии непосредственно на Березани. Противоречит этой гипотезе отсутствие находок в милетских колониях Северо-Восточного Причерноморья, население которых, надо полагать, формировалось аналогичным Северо-Западному Понту образом.

Более перспективным и интересным кажется юго-западный вариант. Высказанное более 40 лет тому назад В.Г. Петренко предположение, согласно которому путь проникновения рассматриваемой категории вещей в Северное Причерноморье пролегал через фракийский мир, не потеряло актуальности и в настоящее время. Все культурные импульсы из более южных и юго-западных областей, — в частности, с территории расселения иллирийских племен, — периодически достигавшие Северного Причерноморья проходили «транзитом» через фракийские земли.

К гипотезе о притоке носителей юго-западных культурных традиций из

Фракии (через Фракию) в расположенные восточнее Дуная эллинические колонии Северо-Западного Причерноморья склоняет наличие на античных памятниках региона керамического материала, вряд ли попадавшего сюда торговыми путями, — лепной так называемой фракоидной посуды. Наиболее реалистично выглядит объяснение появления фракоидных сосудов их изготовлением на месте выходцами из «фракийского мира».²⁸ Особенно верной такая интерпретация представляется для архаического времени — в период своего становления полис, вероятно, был более открытой системой.

Вместе с тем, проживание «туземцев» в Борисфене, Ольвии, Никонии или Тире не означает, что все явления материальной культуры, не укладывающиеся в представления о «классическом эллинизме», следует относить на счет «варваров». Так, кажется спорным мнение С.Л. Соловьева

²⁸ Даже если согласиться с мнением о поступлении фракоидной посуды в качестве тары (Гаврилок 2007: 350) и с высказываемыми сомнениями в её фракийском происхождении (Буйских 2007: 118), отрицать проживание какого-то процента западнопонтийского (= фракийского) населения в сопредельном регионе кажется нелогичным. Влияние местных традиций на формирование комплекса лепной керамики античных центров подтверждается тем, что многие формы лепной посуды греческих колоний тяготеют к формам, характерным для керамики окружающего города аборигенного населения: на Березани и в Ольвии — это посуда лесостепи; в Истрии — фракийских племен и т.д. Появление несомненных морфологических параллелей без проживания варваров непосредственно в греческих городах кажется маловероятным. Наверное, «уже сейчас возможно отделить лепную керамику греческого мира от скифской, прежде всего, по форме сосудов» (Бердников 1971: 38). Но все же не случайно аналогии многим типам лепной посуды, представленным в греческих центрах, обнаруживаются в окружающей тот или иной полис варварской среде. «Безусловно, столь долгое совместное существование двух различных этнических групп не могло не наложить отпечатка на греческое местное керамическое производство» (Бердников 1971: 38). Не признавать этого, значит не признавать различия между комплексами лепной керамики греческих городов, например, Боспора Киммерийского и побережья Фракии.

о грунтовых постройках Березани как жилищах, главным образом, принадлежавшим варварским этносам (Соловьев 1989: 15 и др.). Признание влияния на начальном этапе колонизации Северного Причерноморья на греков варварской традиции сооружения заглубленных в землю жилищ не отрицает более раннего, независимого от местного населения, знакомства эллинов с грунтовыми строениями и обратного, греческого, влияния на строительные традиции варваров.

Но неприятие предложенной петербургским археологом интерпретации открытых им объектов эпохи архаики не подразумевает отрицание всех выводов, к которым исследователь пришел по результатам изучения и сопоставления археологических материалов. Соглашаясь во многом с критикой позиции С.Л. Соловьева, хотелось бы возразить им в пункте, касающемся прослеженной этим исследователем корреляции различной формы заглубленных в землю построек с разными группами лепной керамики (Соловьев 1994: 87; Solovyov 1999: 43, 63). Заключение С.Л. Соловьева о доминировании фракоидной лепной посуды в круглых грунтовых постройках Березанского поселения не представляется столь уж беспочвенным.

Утверждение оппонентов С.Л. Соловьева, что в домостроительстве варварских племен Северного Причерноморья (и гетто-фракийских, и скифских) все формы грунтовых структур, как правило, на одном и том же памятнике синхронны (Буйских 2007: 114), верно постольку, поскольку без надежных хроноиндикаторов²⁹ трудно узко датировать каждый открытый комплекс. Кроме того, сосуществование округлых и прямоугольных в плане грунтовых построек на одном и том же варварском поселении, возможно, также свидетельствует о гетерогенном составе его обитателей. Изучение «жилищного вопроса», в этом я согласна с петербургским археологом, может помочь в какой-то степени прояснить «этнический вопрос».

²⁹ На Березани таковыми являются греческие импорты.

Именно различия в строительном деле, подмеченные исследователями на памятниках лесостепи, привели к обсуждению происхождения заглубленных в землю построек правильной округлой формы (Скорый 1996; Смирнова 2000). Поиски их прототипов в местной чернолесско-жаботинской среде Буго-Поднестровья не дали пока положительных результатов (Смирнова 2000: 89). Вместе с тем Г.И. Смирнова подвергла убедительной критике предположение о принадлежности подобных комплексов кочевым скифам (Смирнова 2000: 89-90). Некоторые археологические материалы не только подтверждают обоснованность этой критики, но и позволяют изменить направление поисков на диаметрально противоположное. Появление и в лесостепи, и в античных поселениях Северо-Западного Причерноморья построек правильной округлой формы, быть может, лишь отчасти, но все же связано с притоком нового населения, однако не с востока (собственно скифы), а с юго-запада (Марченко, Доманский 1999: 57, 74; Марченко 2005: 64, 70, 88; Носова 2005).³⁰

* * *

Распространение этого типа построек в Добруджу и далее на восток, возможно, шло из того же региона (то ли «генератора», то ли «транслятора» идеи) — юго-западной Румынии³¹. Появление там

³⁰ Привнесение время от времени в Северо-Западном Причерноморье строительной традиции объясняет ее периодическое распространение в данном регионе. На территории Ольвийского полиса появление и затем почти полное исчезновение (= растворение носителей традиции в инокультурной среде) округлых землянок совпадает с периодами бытования «фракоидной» посуды (Носова 2005: 37-39).

³¹ Замечание К.К. Марченко (2005: 70), что в Северной Добрудже (и в греческих городах, и на их периферии) известны только округлые в плане землянки, не совсем точно. На хоре Истрии исследованы также «квадратные с округленными углами» грунтовые комплексы. В доступной мне археологической литературе по синхронным памятникам Болгарии (южные фракийцы) упоминаний об округлых в плане землянках не встречено. Вопрос интересный и требующий специального, более детального изучения. Не является ли «возрождение» строительной и ке-

традиции сооружения круглых в плане грунтовых построек фиксируется с эпохи раннего гальштата (Guma 1993: 198). Правильно округлые грунтовые комплексы с центральным опорным столбом исследованы в районе Железных Ворот на эпонимном памятнике культурной группы Инсула-Банулуй (Morintz, Roman 1969: 396-399, fig.5,6; Guma 1993: 204-205). Группа поселений этого типа выявлена на обоих берегах Дуная: в юго-западной Румынии, северо-западной Болгарии и северо-восточной Сербии (Мелюкова 1979: 23, рис.1).

Похожий тип построек регистрируется в юго-западной Румынии и на памятниках культуры Басарабь, поздняя фаза которой синхронизируется здесь с фазой Фериджеле I (Guma 1993: 217-218, 235). По мнению некоторых исследователей, в конце VII в. до н. э. носители фрако-иллирийской культуры Фериджиле-Бырсешты («преемницы» культуры Басарабь) продвигаются в Добруджу (Ткачук 1995: 19). Подвижки населения в конце VII – VI в. до н. э., по-видимому, имели место в Олтении и Мунтении. Не исключено, что с этими перемещениями связано появление округлых грунтовых строений в ранних слоях памятников южной Мунтении (Александрия) и Северо-Восточной Добруджи (поселения Тариверде, Челик-Дере и др.) (Preda 1961: 210, fig.1; Berciu, Preda 1961: 273-281; Simion 1997: 231-232, fig.3).

В Северном Причерноморье округлые грунтовые постройки открыты на раннескифских Немировском и Севериновском городищах (Смирнова 2000: 81-84). На обоих памятниках присутствует керамика типа Фериджеле-Бырсешты (Смирнова 2001: 42-43). Только округлые грунтовые комплексы, а также характерная сероглиняная посуда (как считает ряд

рамической фракоидной традиций на западной окраине Ольвийского полиса «отголосоком» очередных перемещений в Северной Добрудже, обусловленных продвижением от Железных Ворот к низовьям Дуная (Ткачук 1999: 288-292) илилийских или фрако-иллирийских трибаллов?

археологов, ее изготовление напрямую связано с «фракийским вопросом»³²) обнаружены на синхронном среднестетровском поселении у с. Долиняны. В исследованных у с. Долиняны курганах присутствуют и посуда типа Фериджеле-Бырсешты, и изготовленная на гончарном круге серая керамика (Смирнова 1999: 55-56; она же 2000: 84-87, рис.2, 1-8).

Приведенные данные дают основания, пусть гипотетически, соотнести появление в лесостепи Северо-Западного Причерноморья не только фракоидной керамики, но и традиции сооружения округлых грунтовых построек с западными/юго-западными культурными импульсами (Носова 2005). Это, казалось бы, подтверждает мнение С.Л. Соловьева о привнесении в античные центры и керамической, и строительной традиций выходцами из лесостепных областей. Доминирующую, по его данным, в округлых грунтовых комплексах архаической Березани фракоидную посуду исследователь соотносит с Восточным Подольем и Средним Поднестровьем — регионами, испытавшими осязательное влияние фракийских культур (Solovyov 1999: 40, fig.17; 43-44, fig.19). Однако такое сопоставление не бесспорно. Во-первых, за исключением Долинян, говорить о характерности для лесостепи грунтовых построек правильной округлой формы нет оснований, что и послужило поводом для поисков истоков строительной традиции. Во-вторых, С.Л. Соловьевым к фракоидным причислены, очевидно, и сосуды, аналогии которым нетрудно найти в синхронных керамических комплексах городов, расположенных к югу от Дуная, где подобная керамика рассматривается как продукция местного варварского населения (Марченко 1988: 83-85, 110-112). В-третьих, если бы речь шла о притоке в греческие центры только выходцев из лесостепи, следовало бы ожидать на античных памятниках присутствия, наряду с фракоидной, типично лесостепной (с

³² См.: Бруйко 1992: 19-20; Смирнова 1999: 55-56.

проколами и наколами) керамики.³³

В позднерхаическом слое тяготеющего к Березани нижнебугского памятника Куцуруб 1 выявлены *только* округлые грунтовые постройки (Марченко, Доманский 1999: 57, 74), но керамики с характерной для лесостепи орнаментацией в Куцурубе 1 почти нет. Авторы раскопок, опираясь на анализ комплекса лепной посуды, считают, что преобладающим этническим компонентом поселения был фракийский. Вторую по количеству, так называемую скифоидную керамику исследователи памятника соотносят с выходцами из степной зоны Причерноморья (Марченко, Доманский 1999: 69, 72).

При практическом отсутствии лепной посуды с проколами и наколами в Куцурубе 1, её доля представлена в керамическом комплексе синхронной Старой Богдановки 2, где обнаружены три категории построек. Самая многочисленная из них — грунтовые комплексы, которые по форме котлована, в свою очередь, подразделяется на три типа (Марченко, Доманский 1999: 28-36). Среди лепных сосудов VI в. до н.э. из Ольвии и Березани посуда с характерным для лесостепи декором³⁴ зафиксиро-

³³ Сосуды с проколами и наколами хорошо представлены в Западно-Подольской группе, в частности, во «фракоизированных» Долиниях (Смирнова 1998: 42).

³⁴ Было высказано предположение, что лепная керамика, характерная для поселений лесостепи, попадала в Ольвию и на Березань с сезонными караванами варваров-лесостепняков только как часть их походной утвари (Болтрик 2000: 124). На рисунке из книги К.К. Марченко (Марченко 1988: 92, рис.22, 8; рис.23), на который ссылается Ю. Болтрик, изображен найденный на Березани фрагмент сосуда с пластическим орнаментом в виде сетки, имитирующей, по мнению автора монографии, оплетку. Этот обломок, как считает Ю. Болтрик (Болтрик 2000: 124), «свидетельствует в пользу походного назначения своего *prototipa*» (курсив мой — Авт.). Если Ю. Болтрик принимает трактовку К.К. Марченко, то должен согласиться с тем, что воспроизведение в глине в качестве украшения сосуда его некогда функциональной (пусть, походной) детали возможно, когда надобность в этой детали отпала, то есть в стационарных условиях проживания, на Березани. К слову, К.К. Марченко, не имея аналогий,

рована хоть и редко, но надежно (Марченко 1987: 107), или, как сказал о фракоидной керамике Месембрии Д. Пападопулос, «is small in quantity, but stable in frequency» (Papadopoulos 2001: 166).

Авторы раскопок считают, что застойный во многом облик материальной культуры памятника Куцуруб 1, в частности, консерватизм строительного дела, обусловлены этнической монолитностью и преимущественно варварским составом обитателей поселения, прибывших «из какого-то района Карпато-Дунайского бассейна» (Марченко, Доманский 1999: 70-74). Если проблему количественного соотношения греков и не-греков нельзя решить столь однозначно, то вывод о присутствии «фракийского» компонента в составе обитателей поселения кажется вполне аргументированным.

Этнический момент, как можно предположить, «сыграл» и в Нижнем Поднестровье, где при сравнении синхронных памятников наблюдается аналогичная ситуация.

Круглая в плане полуземлянка, в центре которой находилась ямка для опорного столба, исследована на поселении Беляевка I. В заполнении грунтового комплекса обнаружены фрагменты амфор, чернолаковой и сероглиняной кружалной посуды, а также лепной керамики «преимущественно гето-фракийских типов» (Охотников 1978: 367).

В нижнеднестровском поселении Надлиманское 3, основанном, по мнению его исследователей, греками-колонистами (Мелюкова 1980: 21; Охотников 1990: 68), строительные остатки представлены одиннадцатью грунтовыми постройками, восемь из которых имели округлый котлован (Охотников 1990: 12, табл.1). При этом все известные на сегодняшний день грунтовые жилища архаического времени в Никонии («метрополии» античных поселений левобережья Нижнего Днестра) прямоугольные в плане (Секерская 1989: 30).

не рискнул причислить публикуемый артефакт к керамическому комплексу лесостепи.

В отличие от Куцуруба-1, в керамическом комплексе Надлиманского 3 преобладает гончарная посуда, причем, учитывая довольно удаленное расположение вероятного поставщика керамического импорта (до Никонии около 25 км), по ассортименту очень разнообразная. Среди обломков лепной керамики 80% принадлежит скифоидным³⁵, 20% — фракоидным сосудам (Охотников 1990: 27-28). Лепная посуда с проколами отсутствует, фрагменты с наколами — единичны (информация исследователя памятника С.Б. Охотникова).

Перечисленные археологические данные, во-первых, не позволяют категорически исключить версию об обусловленности своеобразия позднерхаических поселений Надлиманское 3 и Куцуруб 1 присутствием в составе их населения выходцев из Фракии.³⁶ Во-вторых, те же данные подтверждают непредрешенность вывода о, возможно, едином генетическом истоке лепной фракоидной посуды и округлых грунтовых комплексов, сделанного С.Л. Соловьевым на материалах архаической Березани. Максимальное число круглых грунтовых построек на древнейшем античном памятнике Нижнего Побужья приходится на вторую — третью четверти VI в. до н.э. (Solovyov 199: 40,

³⁵ В лежащем ниже по Днестру, ближе к «метрополии», чем Надлиманское-3, синхронном поселении Надлиманское 6 при полном господстве в керамическом комплексе лепной скифоидной посуды (75%), из трех открытых построек две — грунтовые, одна — наземная (Охотников, 1990: 12, табл.1). Такое соотношение керамического материала и строительных комплексов лишней раз подтверждает неприемлемость для архаического периода термина «скифская степная посуда». Вряд ли, правомерно рассматривать «скифоидную» посуду античных поселений как принадлежащую непосредственно скифам-кочевникам, тем более, когда это касается материалов архаического — раннеклассического времени. О керамическом комплексе собственно скифов можно говорить лишь с конца V в. до н.э., то есть тогда, когда начинается процесс оседания кочевников (Гаврилюк 1989).

³⁶ В случае Надлиманского, возможно, сыграла свою роль предположительно сакральная функция поселения (Носова 2005: 35, 37).

fig.17; 43-44, fig.19), то есть на время бытования того комплекса, в котором обнаружена двойная булавка.

* * *

В керамическом комплексе Березани и Ольвии второй половины VII — VI вв. до н.э. представлены типы столовой лепной посуды, сходство которых с материалами некрополей Балта Верде, Гогошу, Фериджиле, Равна и Добрина не раз отмечалось исследователями (Марченко 1974; Марченко 1976: 157-166; Марченко 1988: 110-115; Гаврилюк 2007: 345 и др.). На Березани была найдена фибула с приемником в форме беотийского щита (Марченко 1974: 151).

Ещё в 1956 г. С.И. Капошина среди ольвийской серой кружалной посуды VI — V вв. до н.э. выделяла керамические формы, по всей видимости, местного производства, не имевшие «аналогий в формах греческих сосудов» (Капошина 1956: 170-171). Часть такой продукции была изготовлена, скорее всего, на ручном гончарном круге: сосуды плоскодонные, без подставки³⁷; некоторые из них асимметричны, имеют грубую поверхность и даже следы доделывания лепкой.

Прямая аналогия распространенному в Ольвии типу керамики местных форм (Капошина 1956: 171, рис.14) — «самые фракийские» сероглиняные кружалные одноручные сосуды-черпаки VI в. до н.э. (рис.9). Прототип приведенному С.И. Капошиной

³⁷ Отсутствие подставки и плитчатый поддон выделяют как «важнейший признак сероглиняной керамики Карпато-Днестровской периферии» (Бруяко 2005: 199, пр.60). Сходство серых кружалных, «фракийских», сосудов из Среднего Поднестровья с сероглиняной посудой из архаических слоев Березани (Смирнова 1999: 54-55) не обязательно трактовать как подтверждение южно-бугского (из Березани) пути попадания серой гончарной керамики (и, вероятно, навыков её изготовления) в ареал Западно-Подольской группы. Если гипотетически предположить, что на Березани нишу «серая керамика» какой-то период занимали выходцы из Фракии (то есть *пришлое* население), то, может быть, это объясняет отсутствие аналогичной посуды на синхронном Немировском городище (Смирнова 1999: 55).

миниатюрному сосуду³⁸ (при его выделке использовался и гончарный круг, и ручная лепка), невзирая на различие в размерах, следует искать среди керамических форм тех же фракийских могильников (Капошина 1956: 171-172, рис.15, 2).

Из керамических комплексов бужских античных поселений конца VI – первой трети V вв. до н.э. (хора Ольвии) К.К. Марченко и С.Л. Соловьевым выделена группа лепной своеобразно орнаментированной посуды. Её изготовление эти исследователи связывают с конкретной частью населения ольвийской округи позднеархаического времени, а именно — с выходцами из Фракии. У К.К. Марченко и С.Л. Соловьева «фракийский облик» «нижнебугского типа» лепной посуды сомнений не вызывает. Вместе с тем, исследователи отмечают, что на собственно фракийских памятниках, синхронных позднеархаическим поселениям Нижнего Побужья, керамика с подобным пластическим декором представлена весьма слабо (Марченко, Соловьев 1988: 58-59). Действительно, если в Нижнем Побужье «многоваликовая» керамика зафиксирована на четырех памятниках (Березань, Ольвия, Куцуруб-1, Большая Черноморка-2), то на территории Фракии в рассматриваемый период она известна только в Истрии³⁹, на поселении истрийской хоры Тариверде и, возможно, в Рашова (Berciu, Preda 1961: 273-281, fig.3, 8; Dimitriu 1966: 27, №860, pl.49; Irimia 1974: 126, 129, fig.11,3; Бруяко 2005: 225).

Более обычными для Карпато-Дунайского бассейна лепные сосуды с подобной орнаментацией становятся лишь в IV – III вв. до н.э. Причина имеющегося хронологического разрыва, по мнению одних исследователей, заключается в том, что ранние комплексы с лепной керамикой «нижнебугского типа»

³⁸ Из ольвийского погребения 38 (1911 г.), которое датируется 550-530 гг. до н.э. (Скуднова 1988: 74-75, каталог №100).

³⁹ Фрагмент найден в комплексе второго архаического горизонта, датированного по атической керамике периодом около 600 – 570 (60) гг. до н.э. (Dimitriu 1965: 668-669).

ещё не открыты или же не опубликованы (Марченко, Соловьев 1988: 58-59; Бруяко 2005: 225). По мнению других авторов, отсутствие сосудов с характерным декором среди синхронных варварских комплексов Северного Причерноморья может объясняться греческой принадлежностью подобной посуды (Буйских 2007: 118).⁴⁰

Если отталкиваться от опубликованного на сегодняшний день материала, получается, что традиция изготовления керамики на территории, откуда она предположительно происходит, носит прерывистый характер и именно в интересующий период прослеживаются не отчетливо. К.К. Марченко и С.Л. Соловьев отметили, что значительно юго-западнее подобная лепная посуда, появившись примерно в конце XII в. до н.э., вроде бы, непрерывно изготавливалась на протяжении столетий и хорошо известна на поселениях IX – IV вв. до н.э. (Марченко, Соловьев 1988: 59). Памятник, на материалы которого ссылаются К.К. Марченко и С.Л. Соловьев, — Кастанас — находится в низовьях Вардара⁴¹, районе, где распространены все типы двойных булавок. В самом Кастанасе обнаружена булавка типа Ic (Vasić 1982: 226, 227, Anm.27). Двойные шпильки с М-образной головкой (тип IVa, IVc) и другие типы (Ic, IIa, IIc, Va, Vc) зафиксированы на смежной территории — в низовьях Струмы, на западных памятниках Эгейской Фракии (Vasić 1982: 226, 228, 231, 252). Обломки сосудов с похожим на нижнебугский пластическим декором присутствуют во фракийских скальных святилищах в Родопах (например, см.: Христов

⁴⁰ Возражая сторонникам этой точки зрения, укажу, возможно, чуть более поздний типично «варварский» комплекс, где присутствует керамика с налепными фестонами — погребение 5 фракийского некрополя у с. Черны; обряд — кремация (Бобчева 1975: 125, 126-127, №15, табл. VI, 10).

⁴¹ В доримскую эпоху на севере Македонии, главным образом, по течению Стримона и Аксия, жили пеоны (Herod. V.1; 3; 98; Thukid. II.9.63; Strab. VII.313; 314; 316; 318), по мнению исследователей, иллирийские или фрако-иллирийские племена (Златковская 2002: 822, прим.2).

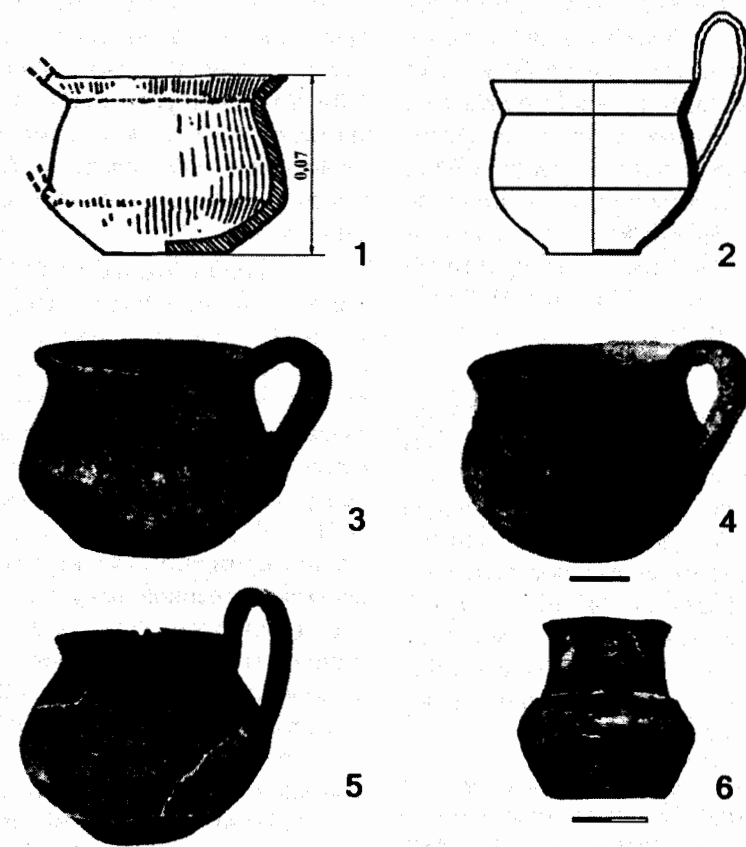

Рис.9. Сероглиняные кружальные сосуды: 1 — курган XVIII могильника Гогошу; 2 — поселение Куртени; 3-6 — Ольвия. (1 по: Berciu, Comşa 1956: fig.140, fig.141,6; 2 по: Iconomi 1979: fig.6, 2; 3-6 по: Капошина 1956: рис.14-15).

2006). Апеллируя к той же, посвященной Кастанасу (ошибочно помещен автором «в Долна Струма») работе, болгарский археолог датирует сакральные памятники Фракии VIII – VI вв. до н.э. (Христов 2006: 12, 17). Если эта предварительная датировка верна, то среди приведенных в небольшой обзорной публикации фрагментов керамики с врезным, штампованным и пластическим орнаментом, последний, вероятно, должен приходиться на VI вв. до н.э. Именно в это время налепные валики, «горизонтални и вертикални, образуващи волути и спирали», стали, по утверждению специалистов, характерными для фракийской посуды на территории Болгарии (Келбечева, Мазаква 1977: 40-41, табл. VI, 1-6).⁴²

* * *

«Точечное» распространение «многоваликовой» керамики в Северо-Западном Причерноморье, возможно, было связано с притоком в Северо-Восточную Добруджу⁴³, а оттуда — далее на северо-восток непосредственных носителей керамической традиции. Аналогичным образом могло обстоять дело и с двойными булавками. Были это носители фракийских культур или носители культур иллирийского круга?

⁴² Подробные данные о лепной керамике VI в. до н.э. южной Фракии, Македонии и собственно иллирийских памятников, к сожалению, остались для меня недоступными. Пластический орнамент использовался в позднеархаическое время на юге Фракии и в восточной Македонии при изготовлении лепных, фракийских, сосудов (Paradopoulos 2001: 166-168, fig. 11-13). Характеризуя обитавшие в эпоху раннего железного века на территории Югославии культурные группы, Р. Васич указывает, что некоторые из них меняли пластический декор («plastic horizontal bands», «plastic wavy or horizontal lines» и т.п.). Среди материалов исследованного еще в начале XX века свайного поселения — «gradina» — в Доньей Долине есть фрагменты посуды, похожие на «нижнебутский тип», однако абсолютная их датировка не определена (Truhelka 1904: 50, Taf. XXV, Fig. 11-14).

⁴³ Хотя здесь эта посуда может быть и «наследием» галыштатских Бабадаг – Басараби (Бруяко 2005: 225).

Если говорить о керамике, это могли быть выходцы из южных районов Фракии. Напомню существующее мнение о появлении в первой половине VI в. до н.э. поселения у г. Александрия (Мунтения) как результате продвижения южных фракийцев (Condurachi 1963: 43-49; Мелюкова 1979: 107-110; Berciu 1960: 267-268, 281). Возможно, не случайно повторное, широкое распространение «многоваликовой» керамики фиксируется в Добрудже примерно в IV в. до н.э., когда огромная территория, была включена в состав государства южных фракийцев — Одрисского царства.

Предположительно ритуальная значимость некоторых типов лепных сосудов являлась одной из причин их постоянного воспроизводства и длительного (часто вплоть до римского времени) сосуществования *wheelmade* эллинской и *handmade* варварской керамики в античных центрах Эгейской Фракии (Paradopoulos 2001: 191). Подобное предположение вполне применимо к ситуации с «нижнебутской» лепной посудой. Оно объясняет немногочисленность и своеобразие «многоваликовых» сосудов: отличия в составе глиняного теста, заглаженность поверхности изделий, их хороший обжиг и не использование в качестве рядовой кухонной посуды (Марченко, Соловйов 1988: 57). «Нижнебутская» лепная керамика, по всей видимости, была привнесена в наш регион из Северо-Восточной Добруджи непосредственными носителями традиции. Поэтому такая посуда лучше представлена и впервые выделена в комплексе Куцуруба-1, поселения, среди жителей которого, с точки зрения авторов раскопок, преобладали выходцы с территории расселения фракийских племен (Марченко, Доманский 1999: 70-74). Сосуды с характерным пластическим орнаментом зафиксированы и на архаических памятниках Нижнего Поднестровья — в Никонии и на памятнике никонийской «дальней хоры» Надлиманское 3 (Бруяко 1993: рис. 3, 6; Охотников 1990: рис. 15, 3, 5). Присутствие в Надлиманском 3 кера-

мики, тяготеющей к лепной керамике лепящих юго-западнее регионов, где получили распространение и металлические изделия, обнаруженные на расположенном примерно в 4 км от Надлиманского памятнике Маяки, возможно, не является случайным совпадением.

Что же касается шпилек с головкой в форме «М», то они, как представляется, тоже могли попасть в наш регион не через торговые связи, а вместе с непосредственными носителями традиции. Возможно, путь людей и вещей в Северо-Западное Причерноморье был «окольным» — через Грецию и/или южную Фракию, а, возможно, и «традиционно иллирийским»: через район Железных Ворот, через цепочку подобных Александрии памятников (см.: Berciu 1960: 264-267), по долине Дуная в Добруджу, в Истрию, и далее на северо-восток.

То, что булавки «мигрировали» вместе с людьми, которые их изготавливали, косвенно подтверждают находки, в определенном смысле аналогичные. Это вещи, на которых есть изображения булавок (рис. 11). На обнаруженном на памятнике Неготино (район Ziegelei, Македония) грузике для ткацкого станка оттиснуты две обращенные друг к другу верхушками М-образные головки (Vasić 1982: 249, Taf. 5, 11). Оттиск верхней части булавки присутствует и на пирамидальном грузике из раскопок греческого города Палерос в Акарнании (Lang u.a. 2007: 142, Abb. 37). Если на территории современной Македонии шпильки типа IV не являются редкостью, то ни на полуострове Плагхиа, ни вообще в Акарнании, по сводке Р. Васича, двойные шпильки никакого типа не известны. Любопытно, что «изображения» есть и в Малой Азии. Сами булавки наиболее часто встречаются на памятнике Буйюк-Кале в Богазкее. Есть они и в Алишаре, откуда происходит также находка «of a most peculiar kind» — обломок сосуда для хранения продуктов. У края сосуда расположены два оттиска шпильки рассматриваемого типа, длиной, как пишет П. Джейкобсталь, всего лишь три сантиметра (Jacobsthal 1956:

139, №399). Длина в данном случае, по видимому, не играла никакой роли. Судя по соотношению размеров отпечатков головки и игл, главным для «автора» были энглифы М-видной головки. Похоже, что во всех описанных случаях оттиски были знаком хозяина или хозяйки, легко узнаваемым, быть может, как знак этнической принадлежности или принадлежности к какому-то роду. В пользу этой гипотезы свидетельствует и каменная плита «aus Arsada, Lykien, mit fragmentischer Inschrift und einer „M“-Nadel (?)» (Vasić 1982: 251, Anm. 66), где изображение шпильки служило, возможно, своеобразной «тамгой» или этноиндикатором.

В середине прошлого века П. Джейкобсталь писал, что «the Illyrian pins at Bogazkoy and Alisar defy historical explanation. It is idle to speculate and invent romantic stories of migrating artisans, coming in the wake of some trade» (Jacobsthal 1956: 139). Не новая, как справедливо отмечено (Бруяко 2005: 202, пр. 62), идея привнесения вещей и технологии их изготовления в инокультурную среду бродячими ремесленниками (гончарами, металлургами и т.д.), похоже, переживает ренессанс. Это вполне понятно: имеющаяся на настоящий момент картография находок некоторых артефактов не может быть объяснена никаким другим достаточно логичным образом. Намного менее популярны гипотезы, связанные с миграциями. Хотя по сути переселение какой-то небольшой группы носителей, например, иллирийской культуры в античные центры Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья является также пусть микро-, но миграцией.

Можно возразить, что доказательств проникновению не только носителей традиции, но и самих вещей в Северо-Западное Причерноморье через колонии Добруджи нет: в греческих городах Западного Понта *Doppelnadeln* не зафиксированы. Сами булавки, действительно, пока не встречались (по крайней мере, согласно археологической литературе). Но есть другие находки, косвенно свидетельствующие о том, что традиция изго-

товления двойных шпилек в западно-понтских городах могла быть известна, и занесена она была, вероятно, с иллирийской территории.

Судя по опубликованным иллюстрациям, все булавки типа IV изготавливались одинаково. Волочением получали проволоку необходимой толщины и сечения. Затем проволоку сгибали по шаблону (?), придавая нужную конфигурацию головке. Концы заготовки обрубали, затачивали иглы, молотком на наковальне выравнивали изгибы, чтобы иглы и головка лежали в одной плоскости (отсюда подквадратное сечение проволоки в области головки).

Однако у некоторых двойных булавок типа Ia толщина металлического стержня на рисунке выглядит чересчур неравномерной, как если бы булавка была отлита по форме (Vasić 1982: Abb.1, 1). К литью, вероятно, прибегали, чтобы получить головку с «eine Gruppe von parallelen Ritzlinien» типа IIIc (Vasić 1982: 239, Abb.5, 11-14; Abb.6). Правда, не видя сами вещи и не держа их в руках, трудно определить, отлиты тонкие круговые рубчики, например, на шпильке из Ражаны, или же прочерчены по отлитой, судя по толщине изделия в верхней части, заготовке. (Vasić 1982: Abb.6, 7). Несомненно, отливали узорчатые головки шпилек типа IIIд, в том числе, и булавку найденную в Сербии, в районе Железных Ворот (Vasić 1982: Abb.5, 11-14). Деталь не маловажная, потому что в Истрии (полисе, из которого гипотетически на Березань и в Никоний могли поступать соответствующие изделия и/или прибывать носители традиции) сами двойные булавки не известны, но есть литейная форма, возможно, использовавшаяся для их изготовления (Dimitriu 1966: 27, pl.50/E).

Песчаниковая форма для литья (рис.10,1) обнаружена в западной части памятника, в помещении 3, относящемся ко второму горизонту архаического времени, то есть примерно к 600 – 570 (60) гг. до н.э. (Dimitriu 1965: 668-669). Эта ли-

тейная форма, происходящие из того же комплекса остатки стекла, железа и т.п. — «un vestige de l'activité du maître de céans, un artisan bijoutier» (Coja 1962: 134-135). Примечательно, что в том же помещении обнаружен и фрагмент лепного сосуда «нижнебугского типа»: обломок орнаментирован перекрещивающимися налепными валиками с пальцевыми вдавлениями (Dimitriu 1966: 27, №860, pl.49).

Похожая на истрийскую находка зафиксирована также в Нижнем Поднестровье, в никонийском комплексе второй половины V в. до н.э. (рис.10, 2). На половинке двойной формы из Никония вырезаны три негатива, один из которых «представлял собой толстую “шпильку”» (Бруяко 1999: 122, рис.53, 3). Отлитая по такой форме заготовка при минимальной доработке (отсечение заусениц, шлифовка, полировка) могла использоваться как самостоятельное изделие (булавка типа Ia⁴⁴) или как полуфабрикат двойных шпилек других типов. Насколько можно разглядеть на опубликованных иллюстрациях, обе формы, истрийская и никонийская, открыты со стороны негатива головки, то есть низ чаши-приёмника расплава приходится на макушку головки. Соответственно при заливке металла образуется локальное утолщение головки, которое впоследствии могло дорабатываться штампом с целью придать изделию более эстетичный вид. Возможно, по такой схеме изготавливались двойные булавки варианта IIIд, находки которых типичны только для иллирийской территории (Vasić 1982: 231, 237, Abb.5, 11-14; Abb.8). Одна булавка типа IIIд была обнаружена недалеко от Железных Ворот, в Zlot-Höhle (район г. Бор) (рис.10, 3-5).

Кроме «шпильки», на никонийской форме вырезан негатив лировидной подвески с коническими оконцовками (рис.10, 2). Подобные изделия достаточно редки восточнее Дуная, но считаются характерными для западно-понтских

⁴⁴ В Северном Причерноморье не зафиксирован

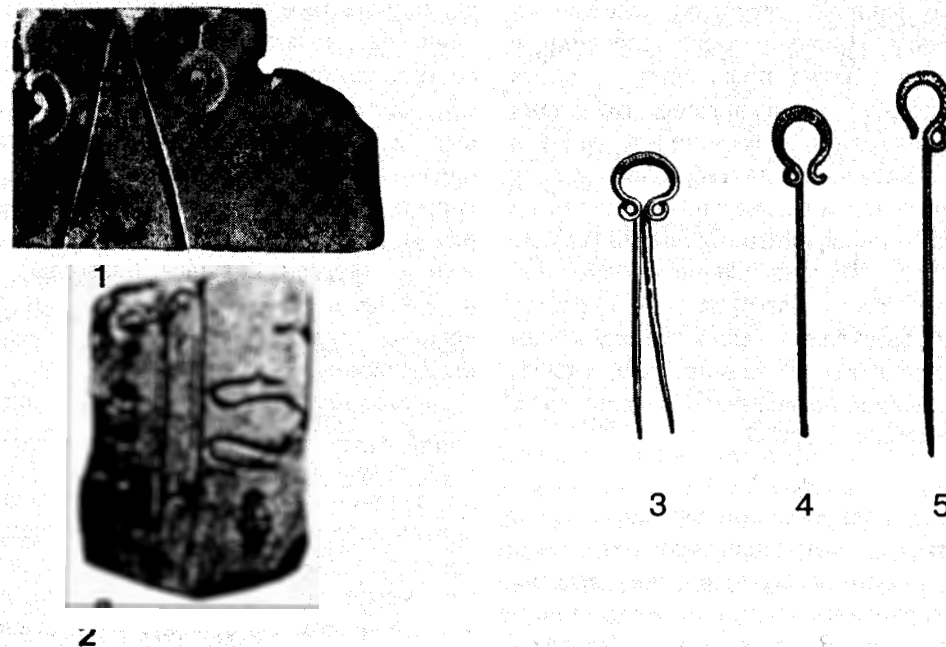

Рис.10. Литейные формы: 1 — Истрия; 2 — Никоний. Булавки типа IIIд: 3 — Горица (Герцеговина); 4 — Заградье (Глазнац, Босния); 5 — Zlot Hohle (Бор, Сербия). (1 по: Dimitriu 1966: pl.50/E; 2 по: Секерская 1989: рис.55, 6; 3 по: Truhelka 1902, Abb.46; 4-5 по: Vasić 1982: Abb.5, 11-12).

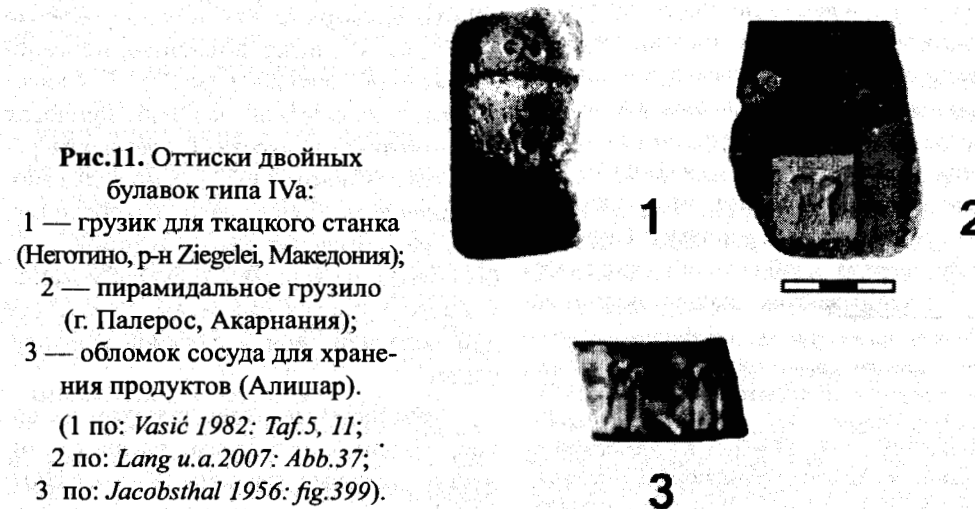

Рис.11. Оттиски двойных булавок типа IVa: 1 — грузик для ткацкого станка (Неготино, р-н Ziegelei, Македония); 2 — пирамидальное грузило (г. Палерос, Акарнания); 3 — обломок сосуда для хранения продуктов (Алишар). (1 по: Vasić 1982: Taf.5, 11; 2 по: Lang u.a.2007: Abb.37; 3 по: Jacobsthal 1956: fig.399).

областей.⁴⁵ Принимая во внимание довольно раннюю датировку находки (в Северном Причерноморье лировидные подвески обычно происходят из слоев IV в. до н.э.), не исключено, что форма резана выходцем из Фракии или завезена оттуда. Косвенным подтверждением тому служит материал, из которого изготовлена форма — пиррофилитовый сланец (Бруяко 1999: 122). Из трех районов возможной добычи такого материала, — Карпаты, Крым, Добруджа, — наиболее вероятным представляется последний, если учесть, что Никоний, по мнению исследователей, был основан Истрией.

* * *

И последнее, на чем хочу кратко остановиться, — функциональное назначение двойных булавок. В Италии, они, вроде бы, применялись и для одежды, и как шпильки для закалывания волос (Jacobsthal 1956: 135). На Балканах, судя по местоположению в погребальных комплексах (на грудной клетке скелетов) и большей характерности для захоронений мужчин, *Doppelnadeln* с М-образной головкой служили, как правило, булавками для одежды (Filov 1927: 34; Vasić 1982: 220).

Второй вариант использования (шпильки для волос) двойных булавок, найденных в правобережной лесостепи, предложила Л.С. Клочко (Клочко 2007). Ссылаясь на известную по материалам курганов практику искусственного увеличения причесок (вплетением войлочных и шерстяных жгутов, добавлением конских волос и т.д.) у древних женщин горно-алтайских племен (Руденко 1952: 115), исследовательница полагает, что подобное могло существовать и у племен Скифии, так как «в ряде изображений скифского времени угадываются пышно поднятые

⁴⁵ На значимость подвесок именно для фракийцев (возможно, для одриссов) указывают находки «висулек» (Венедиков, Герасимов 1973: 100, №179; Бобчева 1975: 127, №28; Огненова-Маринова 1984: 163-164 и др.), их изображения на фракийских золотых нагрудниках (Венедиков, Герасимов 1973: №220, 229), а также оттиски на пифосах в Севтополисе (Чичикова 1984: 98, II.73, табл.ХI).

вверх волосы» (Клочко 1982: 121). Не отрицая существования у скифянок высоких причесок, для которых были необходимы соответствующие заколки-шпильки, следует признать, что примеры, приведенные Л.С. Клочко для иллюстрации своего предположения, не показательны. И на височной подвеске с изображением nereиды, везущей на гиппокампе панцирь Ахилла (курган Большая Близница), и на бляшке в виде рельефной «змееногой богини» (курган Куль-Оба) представлены женщины, одетые не в скифское, а в греческое платье. Соответственно и прически, и головные уборы изображенных персонажей типичны не для варваров, а для эллинов, чему немало подтверждений можно найти на памятниках вазописи и торевтики. Параллели с горным Алтаем тем менее оправданы, что занимавшаяся изучением материалов из курганов указанного региона С.И. Руденко пришел к противоположному заключению: «...принимая во внимание всё известное нам о прическах современных нам племен Центральной Азии, надо думать, что прически древних горноалтайцев имели гораздо больше общего с прическами этих последних, нежели с прическами скифов или саков» (Руденко 1960: 211). Поэтому предположение об использовании двойных шпилек «амазонками» для сооружения причесок, напоминающих парики «пазырыкских» женщин (Клочко 2007: 34), выглядит заманчиво, но маловероятно (Клочко 2007: рис.7). По словам автора, изображения женских причесок на памятниках искусства Скифии невыразительны (Клочко 2007: 33), но ведь изображения есть. Другое дело, что среди них пока не встречены такие, которые дали бы основания говорить о существовании у местного населения моды на высокие прически или парики сложной конфигурации.

Замысловатые «конструкции» из волос, подобные алтайским, имели, несомненно, знаковый характер (Клочко 2007: 33-34) и были присущи лишь какой-то определенной социальной (или родовой)

группе. Встречающиеся в подкурганых богатых женских захоронениях Северного Причерноморья калафы закрывали любую прическу. Данных, свидетельствующих о ношении представительницами скифской знати под калафом и покрывалом какой-то сложной прически, — нет, скорее, наоборот. Женщины, — предположительно не гречанки, а представительницы племен, населявших Северное Причерноморье, или их божества, — насколько можно судить по изображениям на памятниках торевтики и скульптуры, имеют простые прически. Если бы какая-то группа или прослойка скифского социума носила прически, столь отличающиеся от остальных, вряд ли бы это осталось незамеченным и местными, и греческими мастерами, тем более что последние на протяжении столетий активно эксплуатировали тему «Амазонки».

По тем данным, которые есть для Северо-Западного Причерноморья, предпочтительнее представляется первый возможный вариант применения двойных булавок — для закалывания одежды. Это предположение подтверждают находки шпилек М-образной формы в мужских погребениях как в регионе обитания иллирийских племен (например, могильник Требениште см.: Filov 1927: 4, Abb.3, Gr.I; 6, Abb.5, Gr.III; Abb.9, Gr.VII etc.), так и в Среднем Поднепровье (Макеевский курган). О допустимости такой версии свидетельствуют размеры шпилек и дополнительные детали, известные по балканским комплексам, — крепившиеся на иглы украшения (цепочки и т.д.); обмотка проволокой изгибов головки для придания большей жесткости изделию; специальные двойные колпачки, изготовленные из изогнутых в виде буквы М металлических трубочек (Filov 1927: 34, Abb.31; Vasić 1982: Abb.10, 1, 3). Колпачки надевали на концы шпилек, очевидно, для лучшей фиксации булавок на одежде и во избежание уколов. Кроме того, дополнительный элемент придавал, собственно, довольно простому изделию законченный и более эстетичный вид. В Богазкёе после фибул

шпильки самая частая находка (Jacobsthal 1956: 138). Анатолийские экземпляры, по данным П. Джейкобсталя, более короткие, чем иллирийские изделия, что, как считает исследователь, указывает на их использование для закалывания легкой одежды.

На территории Украины, в погребальных комплексах были найдены шпильки в кургане 4 у с. Макеевка⁴⁶ и Маяках. В Маяках бронзовые булавки, как уже говорилось, лежали *in situ* на грудной клетке скелета, под ключицами, иголками вверх. По размерам сопоставимые с изделиями Иллирии (целый экземпляр — 12 см) они едва ли могли использоваться как шпильки для волос. Похоже, на женщину был надет закалывавшийся на плечах пеплос, что косвенно указывает на этническую принадлежность погребенной. Этот тип одежды имел широкое распространение в Греции и Ионии в архаическое время, но не был характерен для местного, варварского, населения. О таком же употреблении двойных булавок, — о моде «за прикачане на дреха (пеплос) с подобна игла», — говорят болгарские исследователи (Огненова-Маринова 1984: 160).

Использование в Греции вместо фибул, по крайней мере, одинарных булавок подтверждается археологически. В субмикенский период «dress fastenings appear in two forms — long straight pins and curved *fibulae* or 'safety-pins'. The bronze *fibulae* continued the Mycenaean tradition, but the long straight pins are new, and a northern feature. Their appearance in pairs, one on either shoulder of the dead, who is normally a woman, has been associated with the introduction of the Doric *peplos*» (Kurtz, Boardman 1971: 33). В Афинах протогеометрического периода «pins and *fibulae*, of iron or bronze, are found in inhumation and cremation graves. In a

⁴⁶ Две булавки (парные?) были найдены в перемешанном заполнении, поэтому говорить что-либо об их использовании трудно. Вероятнее, что это было погребение мужчины. На это указывает частично сохранившийся после разграбления могилы инвентарь (Покровська 1957).

child's grave in the Agora a long pin was found in place over each shoulder where the dress had been secured (Kurtz, Boardman 1971: 39). Об аналогичном использовании шпилек в период архаики свидетельствуют памятники вазаписи, в частности, знаменитая «ваза Франсуа» (Leroux 1892-1894: 383, fig.5558). Похоже, что та же практика существовала и в более позднее время. У булавок изображенных на вазе Франсуа женщин (рис.12, 1) острия игл, как и в погребении в Маяках, направлены вверх. В маякском комплексе положение шпилек, возможно, объясняется не существовавшей на тот период традицией, а тем, что пеплос закалялся не самой хозяйкой, а одевавшими ее людьми. На более близкой по времени погребению в Маяках пелике мастера Чикаго, мы видим Эрифилу в пеплосе, заколотом на плечах булавками, острия которых направлены вниз (рис.12, 2).

* * *

Связано распространение двойных булавок в Северо-Западном Причерноморье с этническими подвижками в Среднем и Нижнем Подунавье, вызванными очередной волной восточных кочевников и военными действиями трансильванской группы скифов; объясняется ли оно самостоятельными миграциями групп иллирийцев через Железные Ворота вниз по течению Дуная на территорию расселения фракийских племен и далее на северо-восток, или же вещи иллирийского типа поставлялись в города Северо-Западного Причерноморья как товар — ответить более уверенно на эти вопросы, возможно, позволят дальнейшие исследования.

При условии, что шпильки импортировались в наш регион и что датировка шпилек из Правобережной лесостепи (V в. до н.э.) верна, торговый канал должен был функционировать на протяжении, по крайней мере, нескольких десятилетий. Если поставщиком была Греция, представляется маловероятным, чтобы в течение столь длительного периода ввозился только один тип шпилек, только из

бронзы и только в северо-западную часть понтского региона.

Борисфен был основан ионийцами практически одновременно с находившейся в окружении фракийского этнического массива Истрией. Тесные связи с греческими городами Добруджи, совместное использование в денежном обращении литых монет-стрелок и т.д. позволяют предположить, что в освоении Нижнего Побужья и, тем более, Нижнего Поднестровья принимали участие греки и варвары с берегов Левого Понта. Выходцы из Фракии, вероятно, фрако-иллирийского происхождения (мастерская в Истрии, находка литейной формы в Никонии), могли привезти в колонии Нижнего Побужья и Поднестровья двойные булавки (самые ранние булавки с М-образной головкой на Березани и памятнике никонийской хоры). При условии, что какая-то небольшая группа ремесленников-носителей культурной традиции осела в городах Северо-Западного Причерноморья, булавки изготавливали в греческих колониях, очевидно, до тех пор, пока пришедшее население не было полностью ассимилировано, и не была утрачена традиция.

Из Борисфена⁴⁷, вверх по Днепру,

⁴⁷ Предположение об изготовлении шпилек на Березани не выглядит столь уж невероятным, учитывая, что исследователи памятника едва ли не главной специализацией раннего Борисфена считают выплавку меди на экспорт и изготовление изделий из металла (Доманский, Марченко 2004). Сделанный С.Я. Ольговским по результатам спектрального анализа металла березанских вещей вывод о бродячих мастерах-металлургах, работавших на Березани и в Ольвии, вероятно, имеет под собой основания. Открытие же медеплавильных мастерских в центральной части поселения, находки литейных форм и т.д. (Доманский, Марченко 2004; Манычев и др. 2004: 37) подтверждает присутствие металлургов и литейщиков среди постоянных обитателей Борисфена. Экспорт Борисфеном слитков меди не исключает изготовления непосредственно на самом острове вещей из металла и последующей их продажи населению Скифии. Изделия из «чистой» меди, характерной для медеплавильных мастерских раннего Борисфена (Доманский Марченко 2004: 28), хоть и в небольшом количестве, но фиксируются на территории Скифии (Ольговский 2001: 94). Возможно, некоторую ясность в проблему

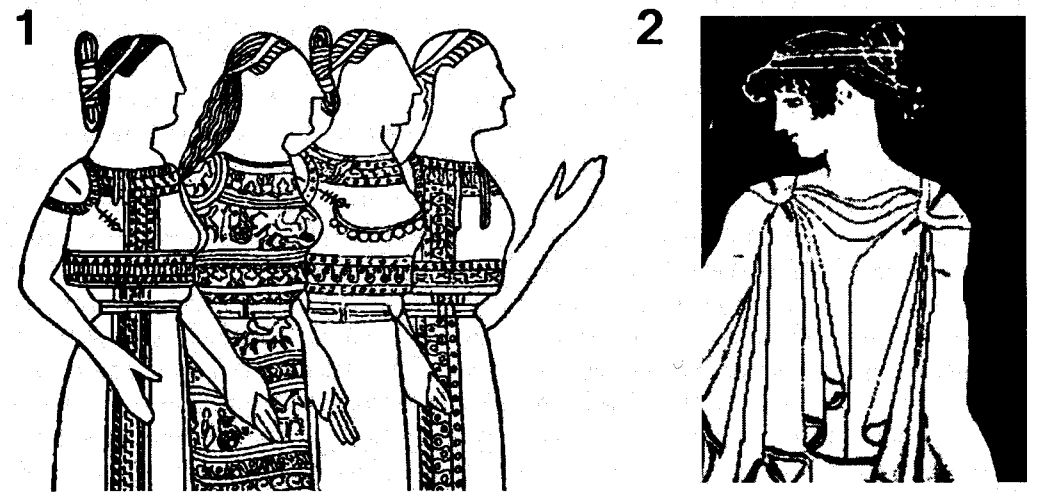

Рис.12. Изображения женщин в пеплосах: 1 — «ваза Франсуа» (по: Leroux 1892-1894: fig.5558); 2 — пелика мастера Чикаго (по: Boardman 1991: Abb.37).

двойные шпильки были завезены торговцами на правобережье Среднего Днепра. Возможно, в лесостепи (Грищенцы) даже пытались делать М-образные булавки, но и здесь их ареал очень ограничен (в основном, Поросье). По-видимому, данная форма не отвечала требованиям, диктовавшимся костюмом, характерным для варварского населения региона, поэтому категория украшений *in question* не нашла широкого применения.⁴⁸

При обоих вариантах появления *Doppelnadeln* (посредством торговли или посредством миграции) в нашем регионе, основными звеньями цепочки, связавшей субстратные области с Северо-Западным Причерноморьем, вероятнее всего, был фракийский мир и греческие колонии Левого Понта. Это предположение тем более оправданно, что в рассматриваемый период и в Борисфене, и в Ольвии, и в Никонии, и на поселениях их хоры фиксируются другие группы материала, параллели которым нужно искать на юго-западе.

Doppelnadeln мог бы внести эмиссионный спектральный анализ.

⁴⁸ Похоже, что *Doppelnadeln* за пределами иллиро-македонской территории (севернее линии Средний Дунай — Сава и восточнее линии Морава — Стримон) нигде не получили широко распространения.

С момента своего основания Борисфен и Ольвия налаживают торговые связи с лесостепью. Фрако-иллирийские влияния прослеживаются в материалах не только античных, но лесостепных памятников Северо-Западного Понта. Оппоненты тезиса о постоянном проживании в греческих городах представителей варварских этносов могут интерпретировать улавливаемые элементы фрако-иллирийских культур в местах расселения эллинов как результат взаимодействия между колонистами и племенами лесостепи.

Однако, судя по датировкам памятников, их вещественному комплексу и т.п., процессы «фракоизации» и «иллиризации» в варварском и эллинском «мирах» Северного Причерноморья шли параллельно в пространстве, но асинхронно во времени (с изначальным опережением в лесостепной зоне) и, в известной степени, независимо друг от друга. Археологические материалы лишней раз подтверждают точку зрения А.И. Мелюковой: появление носителей фракийских культур в греческих городах нашего региона было обусловлено, скорее, эллинской колонизационной практикой и взаимосвязями с колониями побережья Левого Понта, чем притоком населения из

лесостепи (Мелюкова 1979: 181).⁴⁹

Предложенная версия — лишь одна из возможных, к тому же весьма спорная. На мой взгляд, увеличение количества и ассортимента найденных на античных памятниках вещей юго-западного происхождения показывает, что этнический состав населения колоний Северо-Западного Причерноморья, вероятно, был более пестрым, чем это представлялось ранее. Этнический вопрос не может сводиться к упрощенной схеме «эллины» — «варвары», тем более что, по-видимому, не всех проживавших здесь «варваров» можно назвать в прямом смысле слова «автохто-

⁴⁹ Кстати, «скифская» керамика в Истрии и Тариверде, возможно, явление того же порядка.

нами». Соответственно, взаимоотношения между греками и не-греками могли строиться по различным моделям, в зависимости от этнической принадлежности того или иного варварского компонента.

Открытие новых памятников, новые находки и полная публикация результатов раскопок и разведок прошлых лет⁵⁰, возможно, сведут на нет все построения и гипотезы по поводу «иллирийской экспансии» или, наоборот, подтвердят их и добавят новый штрих к исторической картине взаимодействия эллинов и варваров в Северо-Западном Причерноморье.

⁵⁰ Судя по небольшим заметкам, например, румынских археологов, это очень разнообразный и информативный материал

Анохин В.А. 1986. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. К.

Блаватский В.Д. 1985. Аполлония и иллирийцы (до 229 г. до н.э.) // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М.

Бердников А.Ф. 1971. К вопросу о лепной керамике «скифского типа» // Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. Т.288. Вып.13. М.

Бобчева Л. 1975. Тракийски некрополи при селата Кръгулево и Черна, Толбухински окръг // ИНМВ. Т.ХІ. Варна.

Бондарь Н.Н. 1956. Торговые отношения Ольвии со Скифией VI – V вв. до н.э. // СА. XXIII.

Бруяко И.В. 1993. Лепная керамика греческого Никония // Древности причерноморских степей. К.

Бруяко И.В. 1992. Причерноморье и Прикарпатье в раннескифскую эпоху (к проблеме взаимных контактов на примере серой гончарной керамики) // Киммерийцы и скифы. Мелитополь.

Бруяко И.В. 2005. Ранние кочевники в Европе X — V вв. до н.э. Кишинев.

Буйских С.Б. 2007. К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т.ХІV. Запоріжжя.

Васић Р. 1973. Културне групе старијег гвозденог доба у Југославији. Београд.

Венедиков И. 1963. Находки от раннежелезная эпоха в България // ИВАД. Кн.ХІV. Варна.

Венедиков И., Герасимов Т. 1973. Тракийското изкуство. София.

Виноградов. Ю.Г. 1995. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное // Античные полисы и местное население Причерноморья. Симферополь.

Гаврилюк Н.А. 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев.

Гаврилюк Н.А. 2007. Проблема співвідношення «грецького» та «варварського» компонентів матеріальної культури (За матеріалами ліпної кераміки поселення на острові Березань) // Записки наукового товариства імені Шевченка. Том ССLIII. Праці Археологічної комісії. Львів.

Дзис-Райко Г.А. 1963. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана // КСОАМ за 1961 г. Одесса.

Древнейший теменос Ольвии Понтийской. 2006. // МАИЭТ. Supplement. Вып.2. Симферополь.

Доманский Я.В., Марченко К.К. 2004. Базовая функция раннего Борисфена // BORYSTHENIKA – 2004. Николаев.

Зверев Е.Ю. 2000. Относительная хронология некоторых опорных памятников среднего и позднего гальштата в юго-западной Румынии // Stratum plus. №3. СПб.; Кишинев; Одесса.

Златковская Т.Д. 2002. Комментарии // Аппиан Александрийский. Римская история. М.

Зубарь В.М., Сон Н.А. 2007. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып.3. Симферополь.

Капошина С.И. 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. №50.

Карышковский П.О. 1988. Монеты Ольвии: Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. К.

Келбечева Е., Мазакова Д. 1977. Орнаментът на тракийската керамика от ранножелезната епоха // Tracia Antiqua. 2. София.

Клочко Л.С. 1982. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии. К.

Клочко Л.С. 2007. Шпильки у вбранні Скифії // Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво погляд крізь віки». 11-13 грудня 2006 р. К.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. К.

Маньчев В.И., Назаров В.В., Недопако Д.П., Паньков С.В. 2004. Новая находка ручки бронзового зеркала на о. Березань // BORYSTHENIKA – 2004. Николаев.

Марченко К.К. 1974. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII – середине I вв. до н.э. // ВДИ. №2.

Марченко К.К. 1976. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII – VI вв. до н.э. // Художественная культура и археология античного мира. М.

Марченко К.К. 1987. Лепная керамика // Культура населения Ольвии и её округа в архаическое время. К.

Марченко К.К. 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л.

Марченко К.К. 1999. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V – IV вв. до н.э. (Сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum plus. №3. СПб.; Кишинев; Одесса.

Марченко К.К. 2005. Греки а варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // Греки а варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.

Марченко К.К., Доманский Я.В. 1999. Два поселения Нижнего Побужья архаического времени // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса. №3.

Марченко К.К., Соловйов С.Л. 1988. Нова група ліпної кераміки Нижнього Побужжя пізньоархаїчного часу // Археологія. 63.

Мелюкова А.И. 1979. Скифия и фракийский мир. М.

Никулицэ И.Т. 1977. Геты IV – III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев.

Носова Л.В. 2005. О грунтовых постройках округлой формы в Северо-Западном Причерноморье античной эпохи // Кондаковские чтения I. Материалы I Международной научной конференции (Белгород, 15-16 октября 2004 г.). Белгород.

Огненова-Маринова Л. 1984. Дребни находки, теракоти, скулптура // Севтополис. Том I: Бит и култура. София.

Ольговский С.Я. 1980. Цветной металл с Березани // СА. №4.

Ольховский В.С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н. э.). М.

Острроверхов А.С. 1981. Обработка кольчужных металлов на античных поселениях // Археология. 36.

Охотников С.Б. 1978. Исследования античных поселений в Нижнем Поднестровье // АО 1977 года. Москва.

Охотников С.Б. 1983. Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI - III вв. до н.э.) // МАСП. Киев.

Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднестровье в VI - V вв. до н. э. К.

Петренко В.Г. 1967. Правобережье Среднего Поднепровья в V – III вв. до н. э. // САИ. Д1-4. М.

Петренко В.Г. 1975. К вопросу об употреблении булавок скифами в VI - IV вв. до н. э. // КСИА. Вып.142.

Петренко В.Г. 1978. Украшения Скифии VII – III вв. до н. э. // САИ. Д4-5. М.

Покровська Є.Ф. 1957. Розкопки курганів V ст. до н.е. поблизу м. Шполи // Археологія. Т.ХІ.

Романчук А.А. 1999. Три кита раннескифской культуры на волнах иллирийской экспансии // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса. №3.

Руденко С.И. 1952. Горноалтайские находки и скифы. Москва-Ленинград.

Руденко С.И. 1960. Культура населения Центральной Азии в скифское время. Москва.

Секерская Н.М. 1989. Античный Никоний и его округа в VI - IV вв. до н. э. Киев.

Скудна в.М. 1988. Архаический некрополь Ольвии. М.

Смирнова Г.И. 1998. О работах на раннескифском поселении у с. Долиняны 1985, 1987 гг. // АСГЭ. Вып.33. СПб.

Смирнова Г.И. 1999. Ещё раз о серой кружалной керамике // АСГЭ. Вып.34. СПб.

Смирнова Г.И. 2000. Грунтовые постройки округлой формы в лесостепном междуречье Южного Буга и Днестра в раннескифское время: местные строительные традиции или новации // Давня і середньовічна історія України. Кам'янець-Подільський.

Смирнова Г.И. 2001. Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. №4.

Смирнова Г.И. 2001а. Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени, в Лесостепной Скифии в конце XX в. // Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Kraków.

Соловьев С.Л. 1989. Строительные комплексы архаической Березани (анализ архитектурно-строительных традиций): Автореф. дисс...канд. ист. наук. Л.

Соловьев С.Л. 1994. Новые аспекты истории и археологии античной Березани // ПАВ. Вып.8.

Соловьев С.Л. 2007. Западные анатолийцы в Северном Причерноморье в архаическую эпоху // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы XII международной научной конференции (26-31 мая 2007 г.). Ростов-на-Дону.

Соловьев С.Л. 2008. «Дом колониста» в археологическом контексте архаической Березани // Античный мир. Искусство и археология. ТГЭ. Т.ХLI. СПб.

Ткачук М.Е. 1995. Гетика. Культурогенез и культурная трансформация в Карпато-Дунайских землях в VI – II в. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.

Ткачук М.Е. 1999. Гетика, которую мы потеряли. (Из антологии хронологических разрывов) // Stratum plus. №3. СПб.; Кишинев; Одесса.

Чистов Д.Е. 2007. Новый комплекс с пожарищем второй половины VI в. до н.э. из раскопок на участке «О» античного поселения на о. Березань // Древности Северного Причерноморья в античное время. МАИЭТ. Supplementum. Вып.4. Симферополь.

Чичикова М. 1984. Античная керамика // Севтополис: Бит и култура. Т.1. София.

Berciu D. 1957. *F. Maier, Zu einigen bosnisch-herzegowinischen Bronzen aus Griechenland // Dacia. N.S. I.*

Berciu D. 1960. *Sint geții traci nord-dunăreni? Un aspect arheologic al problemei // SCIV. T.16. №2.*

Berciu D., Comșa E. 1956. *Săpăturile arheologice de la Balta Verde și Gogoșu (1949 și 1950) // MCA. II. București.*

Berciu D., Preda C. 1957. *Șantierul arheologic Histria: Sectorul Tariverde // MCA. IV. București.*

Berciu D., Preda C. 1961. *Săpăturile de la Tariverde // MCA. VII. București.*

Boardman J. 1991. *Rotfigurige Vasen aus Athen: Die klassische Zeit // Kulturgeschichte der antiken Welt. Band 48. Mainz an Rhein.*

Bozkova A. 1997. *La Thrace du Sud-Ouest aux VII – III siècles av. J.C. // The Thracian world at the crossroads of civilizations. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology. Bucharest.*

Ciocea Safta E. 1996. *Necropola tumulară de pe Ostrovu Mare // SCIV. T.47. №2.*

Coja M. 1962. *L'artisanat à Histria du VI au I siècle av. n.e. // Dacia. N.S. VI.*

Condurachi E. 1965. *Problema apariției ceramicii Latène în regiunea Dunării de jos // SCIV. T.16. №1.*

Condurachi E. și colab. 1957. *Șantierul arheologic Histria // MCA. Vol.IV.*

Dimitriu S. 1965. *Poziția Histriei arhaice în cadrul cronologiilor secolelor VII – VI î.e.n. // SCIV. T.16. №4.*

Dimitriu S. 1966. *Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății, în epoca arhaică // Histria. II. București.*

Dumitrescu V. 1968. *La nécropole tumulaire du premier âge du fer de Basarabi // Dacia. N.S.*

Domaneantu C. 1996. *La poterie attique d'importation dans le bassin de la mer Noire à l'époque archaïque. Le groupe de Lydos // Sur les traces des Argonautes. Actes du 6e Symposium de Vani (Colchide) 22-29 septembre 1990. Luxeuil-les-Bains.*

Filov B.D. 1927. *Die archaische Nekropole von Trebenishte am Ohrida-See. Berlin und Leipzig.*

Genz H. 2006. *Die eisenzeitliche Besiedlung im Bereich der Grabungen am mittleren Buyuk-kale-Nordwesthang 1998-2000 // Bogazkoy-Berichte 8. Mainz am Rhein.*

Genz H. 2006a. *Die eisenzeitliche Besiedlung im Bereich der Grabungen an den Ostteichen 1996-1998 // Bogazkoy-Berichte 8. Mainz am Rhein.*

Gergova D. 1987. *Früh- und ältereisenzeitliche Fibeln in Bulgarien // PBF. Abt.XIV. Bd.7.*

Gogâltan F. 1994. *Un oggetto di argento appartenendo alla fine di hallstatt nei collezioni di museo di Timișoara // Ephemeris Napocensis. IV.*

Gumă M. 1993. *Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. București.*

Iconomu C. 1979. *Découvertes récentes dans l'établissement hallstattien tardif de Curteni (dép. de Vaslui) // Dacia. N.S. XXIII.*

Irimia M. 1974. *Cercetările arheologice de la Rașova-malul Roșu // Pontica. T.VII. Constanța.*

Jacobsthal P. 1956. *Greek pins and their connexions with Europe and Asia. Oxford.*

- Kurtz D. C., Boardman J. 1971. Greek burial customs. London and Southampton.
- Lang Fr., Schwandner E.-L., Funke P., Kolonas L., Jahns S., Vott A. 2007. Interdisziplinäre Landschaftsforschungen im westgriechischen Akarnanien / Berichte zu Surveykampagnen 2000-2002 sowie zu den paläobotanischen und paläogeographischen Forschungen auf der Plaghiá-Halbinsel // Archäologischer Anzeiger. 1. Halbband.
- Leroux G. 1892-1894. Peplos // Daremberg Ch., Saglio Ed. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris. T.IV. P.I.
- Morintz S., Roman P. 1969. Un nou grup hallstattian timpurii în sud-vestul României – Insula Banului // SCIV. T.XX. №3.
- Moscalu E. 1983. Ceramica traco-getica. București.
- Papadopoulos S. 2001. The «Thracian» Pottery of South-East Europe: a Contribution to the discussion on the Handmade Pottery Traditions of the Historical Period // BSA. №96.
- Preda C. 1959. New aspect of early Latene epoch in Dacia discovered at Alexandria // Dacia. N.S. III.
- Preda C. 1961. Sapturile de la Alexandria // MCA. VII. București.
- Simion G. 1997. Le site de Celic-Dere. Interprétations ethno-culturelles et implications dans la chronologie du Hallstatt final // Premier âge du fer aux bouches du Danube et dans les regions autour de la Mer Noire. Tulcea.
- Solovyov S.L. 1999. Ancient Berezan. Leiden / Boston / Koln.
- Truhelka B. 1904. Die Necropole der Pfahlbauer von Donja Dolina // WMBH. IX. Viena.
- Vasić R. 1982. Ein Beitrag zu den Doppelnadeln im Balkanraum // Prähistorische Zeitschrift. 57.
- Vasić R. 1999. Die fibeln in Zentralbalkan // PBF. Abt.XIV. Bd.12. Stuttgart.
- Vulpe A. 1962. Traci și iliri la sfârșitul primei epoci a fierului în Oltenia // SCIV. T.XIII. №2.

SUMMARY

This article is dedicated to spread of two-shank pins in the North-Western Black Sea area. The earliest pins come from a pit investigated in *Borysthenes* and from an ancient Greek burial complex on the *Nikonion chora*. These finds points that initially "Illyrian shaped" pins appeared evidently in Greek settlements. From Berezan they were apparently delivered to forest-steppe zone.

The author examines two possible ways of appearance of these artefacts in the North-Western Black Sea colonies. The first is by way of trade (import of pieces from Phrygia or Balkans — Greece, Macedonia, Illyria); the second — with some barbarian group of cultural tradition-carriers (perhaps, thraco-illyrian origin) which following the Greeks from the North-Eastern Dobrudja cities (Istria) arrived to the Greek settlement of Borysthen and one of Nikonion. In spite of the fact that the first conception is more traditional and demonstrable, the author gives her attention to the hypothesis of migration, not popular and hard to prove. The guess route — through the Thracian hinterland and Western Pontic colonies to the colonies on the North-Western Black Sea Coast — may explain the absence of two-shank pins in the area to the East of Dnieper.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ПРЕДМЕТ» ИЗ ОКНИЦЫ, «КЛАД» ИЗ БУЗЭУ И САРМАТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

За прошедшие полтора десятка лет в целом ряде работ румынских исследователей, где изучаются сарматские древности, известные к западу и юго-западу от р. Прут, наметилась очевидная ревизия хронологии этих памятников, с явным «креном» в сторону удреждения нижней даты последних (Bichir 1993: 135-169; Harhoiu 1993: 41-51; Сырбу, Быркэ 2000: 243-263; Бабеш 2003-2004: 474). Нисколько не претендуя на окончательную оценку данной ревизии поскольку, это, несомненно, составляет предмет отдельной и серьезной дискуссии, отметим лишь, что в целом она представляется не только правомерной, но и к тому же, достаточно обоснованной. Среди археологических материалов, нашедших свое отражение в отмеченных работах, чрезвычайный интерес вызывают некоторые отдельные вещи, обнаруженные на дакийских поселениях — *dava*, исследованных вблизи г. Пояна и в Окнице (см.: Сырбу, Быркэ 2000: 249-252, рис.12, 1,3; Бабеш, 2003-2004: 468-472, рис.1; 2,1). Эти находки, на наш взгляд, имеют самое прямое отношение к истории сарматов вполне определенного региона, а именно — Северо-Западного Причерноморья. В первом случае речь идет об изделии из кости, на котором имеется изображение тамги сарматского царя Фарзоя (рис.1,1), во втором — о позолоченном железном изделии, которое своей формой, с максимальной точностью повторяет тамгу еще одного сарматского царя Инисмея (рис.1,2). М. Бабеш оправданно полагает, что «железное изделие» из Окницы, выполненное в форме тамги царя Инисмея, могло быть накладкой, крепившейся на какой-то предмет вооружения или снаряжения коня, которая, в свою очередь, должна была подчеркивать собой как престижность самой вещи, так и особый социальный статус ее хозяина. По мнению автора, факт наличия этого

украшения дает основания предполагать возможность существования между даками и сарматами в I в. н.э. достаточно тесных дружественных отношений на самом высоком политическом уровне (Бабеш 2003-2004: 469, 479). Соглашаясь с вполне справедливыми выводами румынского исследователя, хотелось бы заметить в то же время, что данные предполагаемые отношения в рамках второй половины указанного периода, и даже самого начала следующего столетия, представляется возможным не только несколько уточнить и конкретизировать во времени, но и наполнить до некоторой степени определенной динамикой.

Как известно, сарматские басилевсы Фарзой и Инисмей, установившие в I в. н.э. протекторат над Ольвией, чеканили в этом античном полисе свою золотую и серебряную монету, соответственно. Согласно блестящим разработкам П.О. Карышковского, первый год правления Фарзоя приходится на 48-49 гг. В 54-55 гг. — на седьмой год правления Фарзоя, были выпущены первые золотые монеты этого царя. На 58-68 гг. приходится перерыв в чеканке золотых монет Фарзоя, которая возобновляется в 68-69 гг. — на 21 году его правления. В 70-х годах чеканятся последние монеты Фарзоя, а монеты Инисмея приходятся на время близкое к 80 г. н.э. (Карышковский 1962: 102-121). Исследователем также было акцентировано внимание на совпадении дат начала перерыва в чеканке золотых монет Фарзоя и первых действительных акций наместника провинции Мезия Тиберия Плавтия (Карышковский 1962: 120, 121). Выводы П.О. Карышковского нашли полную поддержку в исследованиях М.Б. Щукина, который обоснованно связал их с масштабными событиями военно-политического характера, имевшими место между концом 40-х и концом 60-х гг. I в. н.э. на